

На древней земле

Автор:

Юрий Иванович

На древней земле

Юрий Иванович

Миры Доставки Принцесса Звездного престола #1

Кто стремится на Землю в XXXVI веке? Почти никто... Там опасно, там непонятно что происходит. Даже вспоминать о Земле жители Галактики предпочитают не иначе как в анекдотах. Но судьба привела наших героев именно туда, на самую знаменитую и самую таинственную во Вселенной планету Союза Разума. И это с учетом того, что предшествующие полтора года прославленный воин современности Тантоитан Парадорский провел как растение: потеряв память и не осознавая себя. Хорошо, что у Тантоитана есть преданные друзья, беззаветно верящие в него. Только смогут ли они, излечив своего друга и объединив свои уникальные знания и возможности, вырваться с опасной планеты? Этого не знает никто.

Юрий Иванович

На древней земле

Глава первая

Пробуждение

Замусоренный подвал г-образной формы какого-то допотопного здания. Мне прекрасно видна одна часть, освещенная несколькими древними электролампами, и очень плохо другая, озаренная лишь отбивающимся светом из первой. Но в конце ее хорошо просматривается мощная стена из бетона, тупикующая подвал.

Идет репетиция. Я должен играть на доске с ребрами. Мой друг, огромный детина, терпеливо объясняет мне, что надо вести трещотку по доске плавно, без резких рывков. Следя за его лапищей, в которой мой музыкальный инструмент смотрится как спички, я вдруг с гордостью подумал: а ведь я сильнее его! А вслух спросил:

– Помнишь, как я тебе руку сломал?

Гарольд (именно в этот момент его имя всплыло поплавающим в океане моей замутненной памяти) уронил то, что держал, и, не шевелясь, уставился на меня своими добрыми глазищами. Еще трое, находящиеся тут же, перестали возиться со своими инструментами и замерли. Даже показалось, что перестали дышать. Их я тоже знал, но в моем мозгу что-то щелкало и трещало, и как-то совсем не хотелось напрягаться по поводу их имен. В голову пришла следующая мысль: что это мы тут делаем? Я глянул на единственную лестницу из металла, почти полностью изъеденного ржавчиной. Она наклонно уходила куда-то вверх по торцевой стене освещенной части подвала. Пришлось удивиться:

– Здесь что, всего один выход?

У Гарри в глазах почему-то заблестели слезы, и трясущимися губами он промямлил:

– А ч-что, надо б-больше?

Возмущенный подобной глупостью, я покрутил пальцем возле виска.

– Ты чего, совсем мозгами поехал? – Потом мне стало весело. – Видно, мало над тобой издевался наш капрал, обучающий маскировке, пиная тебя по заднице во всех местах, где бы ты ни прятался!

Вместо того чтобы сделать обиженный вид, как было почти всегда раньше (раньше?!), гигант радостно заулыбался и смешно закивал головой:

- Да, да, конечно! Да! Да, да, да!

Я хмыкнул и похлопал его по плечу:

- Вижу, голубчик, что прожитые годы явно не прибавляют тебе ума!

- Конечно! - сразу же согласился Гарольд и, тяжело вздохнув, добавил: - Особенно последние полтора... - Потом, снова оживившись, схватил меня за руки: - Ты вспомнил, как тебя зовут? - В его словах было столько радости и надежды, что мне стало не по себе.

Как это так?! Я, Тантоитан Парадорский, лучший выпускник восьмого, секретного корпуса, главный координатор по спецзаданиям, герой Хаитанских событий. Обо мне ходят легенды, и меня (хочется в это верить!) любит сама принцесса! И не помню своего имени?!

Величественно усмехнувшись и зная, что Гарри прощает мне все, хамовато спросил:

- Ты на что намекаешь, толстая твоя харя?

Бывало, раньше, когда особенно хотел его поддеть, я называл Гарольда или куском сала, или огромным, толстым ломтем мяса. В ответ он долго напрягал мышцы и показывал мускулы, пытаюсь доказать свою накачанность. Я при этом хихикал и щипал его за кожу, демонстрируя якобы свисающие жирные складки. За подобные шутки Гарри мог оглушить кого угодно, и никто не осмеливался совершать с ним нечто подобное. Были, правда, и идиоты. Как-то трое амбалов из шестого корпуса решили тоже над ним посмеяться, ошибочно рассчитывая на свою силенку и бойцовские знания. В результате все трое на пару месяцев перешли в категорию инвалидов разной степени.

Естественно, если бы я расслабился, а Гарольд этим бы воспользовался, мне тоже могло не поздоровиться. Но я ведь никогда не расслабляюсь. Да и Гарри, после того как я несколько раз спас ему жизнь, вытащив почти из безвыходных

ситуаций, давно относится ко мне как к родному брату. И это как минимум.

Сейчас же он обрадовался оскорблениям от моего имени, даже счастливо заулыбался. Что вообще-то было очень странно.

– Да я ни на что не намекаю. Только и того, что полтора года назад ты потерял свою память и превратился в полного идиота. И все это время пускал слюни, дико смеялся, а поначалу, – Гарри сокрушенно помотал головой, – даже под себя мочился. А нам приходилось с тобой нянчиться, кормить, спасать невесть знает от кого и чего. И в то же время пытаться вылечить тебя неизвестно от какой болезни. Ты нас не узнавал, и все это время приходилось водить тебя за ручку. Хуже малолетнего ребенка! Короче, полный дебил.

Снисходительно улыбаясь в начале его рассказа, к концу я почувствовал, как мое лицо перекашивается от ужаса. Я сразу поверил каждому его слову. И прежде чем спросить, мне пришлось хорошенько прокашляться от горчащей сухости:

– Какой сейчас день и год?

– Двадцать третье июня три тысячи шестьсот первого года.

– Но я ведь отчетливо помню, – в отчаянии вскрикнул я, – что вчера было тридцатое декабря три тысячи пятьсот девяносто девятого года! Я стоял на балконе в северной части дворца и ждал принцессу. Мы с ней хотели обговорить встречу Нового года. Я даже услышал ее шаги сзади (ты ведь знаешь, как она любит подкрадываться ко мне, надеясь застать врасплох?) и решил сделать ей приятное – не стал оборачиваться. Пусть думает, что это удалось.

После моих слов Гарри с бешеной злостью саданул по железному столику, стоящему рядом. Пострадали оба: столик прогнулся и загудел (вероятно, от возмущения), а мой друг завыл по-волчьи (может, от боли, так как сомневаюсь, что он стал садомазохистом).

– Ублюдочная стерва! – прошипел он вполголоса.

Я даже опешил:

- Ты это про кого?!

- Да про твою «милую» принцессу! - Но, видя, что глаза мои опасно заблестели, отступил на два шага назад и, потирая ушибленную руку, стал быстро тараторить: - Ну сам посуди: она последняя, кто тебя видел перед твоим беспамятством, она первая, кто провозгласил тебя предателем, и только она могла все это устроить.

- Ничего не понимаю... - У меня как-то странно заболела тыльная часть головы, и я обхватил ее руками. - Ведь она же меня любит?

Гарольд огляделся вокруг, как бы ища поддержки у окружающих нас товарищей. Те смотрели сочувственно и с какой-то отрешенностью. Потом, глубоко вздохнув, сказал притихшим голосом:

- Она же тебя и ищет по всей Галактике...

- Зачем? - Во мне затеплилась какая-то надежда.

- Для того чтобы казнить на Треунторе.

Меня даже затошнило, стало плохо-плохо. Смертные казни давно, лет четыреста как отменили. Оставили только самую жуткую для самых мерзких и страшных преступников. Казни эти снимали во всех подробностях и показывали всем желающим в специальных кинозалах и в обязательном порядке - во всех местах заключения. Сам просмотр так влиял на психику человека, что редко кто мог досмотреть все до конца. Было много случаев частичного и даже полного помешательства.

Губы мои предательски дрожали, когда я спросил:

- И за что же мне оказана такая большая честь?

Гарри, смотря мне прямо в глаза, стал перечислять:

- За то, что ты сотрудничал с Моусом, взорвал и уничтожил огромную часть Всегалактического блока памяти и, самое кощунственное... - он сглотнул

слюну, – убил императора со всей его личной охраной и пытался уничтожить принцессу.

По моей спине потекли струйки холодного пота, а лоб покрылся горячей испариной. Я оторопело замотал головой и переспросил:

– Убил императора?! И хотел... принцессу?!

– Да!

– Но я не мог это сделать, я этого не делал! – Я опять сжал голову руками, пытаюсь спасти ее от взрывной боли, бьющей прямо по мозгам. – Да и нереально все это! Непосильно это сделать одному! Не мог я этого всего натворить!

– Ты?! Не мог?! – Гарольд не отводил от меня взгляда. Весь его вид был вопросительным ожиданием, и я, подавив гнев, задумался.

А ведь и правда. Если кому и под силу было натворить нечто подобное на Оилтоне, то только мне. Я был вхож ко многим, мне все доверяли, я знал все (ну или почти все), и я сумел бы все это устроить. Если бы, конечно, захотел! Но это же был полный абсурд!

– А ты?.. – Я быстро огляделся вокруг. – А вы всему этому верите?

Гарольд опустил уголки губ, поднял брови, отчего его лоб покрылся глубокими морщинами, и еле заметно двинул подбородком в разные стороны. Эта мимика у него означала крайнюю степень сомнения и нерешительности. Значит, были некие обстоятельства и в мою пользу! Осталось только выяснить какие. И я это выясню!

У меня была одна привычка с самого детства. Перед тем как начать действовать и командовать окружающими, я ногтем большого пальца щелкал себя по нижним зубам. Это всегда служило сигналом для остальных: полная дисциплина и повышенное внимание! Звонко щелкнув ногтем по зубу, я скомандовал:

– Значит, так!..

– Ого! – удивился Гарри. – Ты это сделал впервые за полтора года. Все это время я здесь командую.

Я ощерился злобной и страшной улыбкой, которой не боялись лишь несколько человек. Ну и Гарри тоже.

– Не оправдывайся, я тебя уже простил! – И продолжил с нажимом в голосе: – Значит, так! Подробно, без излишеств расскажи: как и в какой последовательности все это произошло.

Мой друг, притворно вытянувшись в струнку и вытаращив глаза, стал докладывать:

– В шестнадцать ноль-ноль тридцатого декабря три тысячи пятьсот девяносто девятого года, как только стемнело, во дворце одновременно произошло два взрыва: на распределительной станции основного и резервного электроосвещения и в здании Блока памяти. В ту же минуту были взорваны пять из восьми отражателей на орбите, освещающих ночную сторону планеты...

– Ого-го!..

– В Блоке вспыхнул сильный пожар. Там не было все уничтожено только благодаря особым, новейшим, недавно поставленным переборкам. Те автоматически сработали и не дали взорваться остальным термитным бомбам, расположенным почти во всех отсеках. Началась паника, принцесса в сопровождении охраны выскочила на площадь, и по ней из парка была открыта стрельба из игломета. Половина гвардейцев, ее охранявших, сразу же погибли. Двумя иглами была ранена и она сама: в ногу и плечо... – При этих словах у меня все сжалось ниже живота и сердце заняло от боли. – Спасли принцессу лишь тела ближайших телохранителей. Они были изорваны иглами буквально в клочья. Ответный огонь заставил скрыться нападавшего, который спрыгнул в служебный тоннель и на мини-ролле помчался в сторону космопорта. На запоре одного из блоков он столкнулся с нарядом, заступившим на пост по тревоге. Это были три гвардейца и офицер охраны. Они-то и узнали тебя, но даже не посмели заподозрить в организованном на поверхности перевороте. Ты дал команду немедленно открыть запор и, когда они это сделали, выхватил игломет и стал стрелять на сверхрежиме. Один гвардеец погиб, а остальных чудом спасла открывшаяся створка блокировки прохода. Они-то и подняли тревогу по твоему

поводу. Стали ловить уже конкретно тебя. Но ты, – Гарри прищурил глаза и почесал нос указательным пальцем, – или тот, кого за тебя приняли, успел выпрыгнуть из вспомогательной шахты и вскочить в одно из сублиатомных суден, которое стояло на отстое и было готово в ближайшее время к переплавке. На удивление всем, у этого корыта оказались нейтронно-кварцевые двигатели, и оно тут же стартовало на полном форсаже.

– И что, им удалось уйти? – Я не мог сдержать скепсиса.

– Да в том-то и дело, что нет. Никто не поймет, на что они надеялись. Корабль был уничтожен еще в верхних слоях атмосферы – первым же залпом оборонительных орудий. И разлетелся, так сказать, в пух и прах.

– Значит, меня считают мертвым? – не понял я.

– Выслушай все до конца, а потом спрашивай! – хмыкнул Гарри. – Во время погони за тобой выяснилось, что император и его охрана уничтожены все из того же игломета.

– Да что ты все акцентируешь мое внимание на этом оружии?! – вспылил я. – В конце концов, не я один имел право на его ношение.

– Конечно! – согласился Гарри. – Кроме тебя его во дворце носили лишь три человека. Сам император (а о его участии ты уже знаешь), начальник дворцовой стражи и министр внутренних дел. Но последние двое тоже, увы, были убиты иглами. Что интересно, в спальне покойного императора. И все три игломета были найдены на телах их владельцев. А твой – в шахте, выходящей на поле космодрома. Естественно, с твоими отпечатками и с изрядно оскудевшим магазином.

Покойного министра я всегда страшно недолюбливал, хотя никак не мог найти причину своей к нему антипатии. Но сейчас мне стало и его жалко. И он оказался жертвой какого-то немыслимого заговора, в котором главную роль, по всеобщему мнению, играю почему-то я.

Но что погиб Серджио – это было очень странно! Начальник дворцовой стражи по праву считался одним из лучших воинов современности. Даже я, со всей своей силой, умением и ловкостью (и нескромным самомнением), в сражении с

Серджио поставил бы на его победу. Процентом на шестьдесят... Ну, может, шестьдесят пять. Завалить такого бойца! Да еще в спальне! И при оружии! Как же он так расслабился? Как допустил? А я? Я тут же вспомнил, что нахожусь не в лучшем положении.

Тем временем рассказ продолжался:

– После этого для всех настали трудные времена. Принцесса с почерневшим от горя и ненависти лицом, не обращая внимания на свои ранения, заставила перевернуть все вверх дном. Ну, по крайней мере, в самой столице. И на одной из твоих старых квартир в стене нашли зашифрованную дискету. И после титанических усилий по расшифровке прочитали данные тебе инструкции. И не кем-нибудь, а самим Моусом. Выяснилось, что в момент твоего бегства на судне с космодрома должна была совершиться еще одна теракция. А именно: должен был быть выведен из строя главный компьютер оборонных орудий. Это позволило бы тебе уйти в космос и успеть сделать лунманский прыжок. Тогда тебя, возможно, не настиг бы никто. Но когда провели тщательнейшее расследование, выяснилось, что компьютер никто и не собирался взрывать. Сказано это тебе было лишь с одной целью – уничтожить главного виновника. Тем самым обрубив все концы. Вроде бы дело ясное. Ты свое отработал – и тебя убрали. Но принцесса все равно этому не поверила. Она аргументировала это тем, что слишком хорошо тебя знает. Ты, мол, не был настолько наивен, чтобы убегать на каком-то корыте, прекрасно зная, что за атмосферой тебя бы или сожгли спутниковые лазеры, или расстреляли боевые корабли императорской Армады. Вдобавок она в приступках гнева стучала себя кулаком в грудь и кричала: «Я чувствую, что этот предатель живой, нутром чувствую!» Поэтому поиски твои продолжаются, тебя заочно судили и приговорили... сам уже знаешь к чему.

Гарри замолчал и облизал пересохшие губы. Но, видя, что я играю скулами и смотрю на него непонимающим взглядом, понял, что надо продолжать излагать события дальше.

– Нас всех, кто был с тобой близок и находился под твоим командованием, освободили от службы и целыми днями проводили с нами пренуднейшие допросы с пристрастием. Даже допрашивали под воздействием домутила. Продолжалось это больше месяца. А потом нас уволили, вернее, попросту вышвырнули на улицу. На нас поставили несмыаемые клейма людей, скомпрометировавших себя знакомством с самым большим преступником в

истории человечества. Что нам оставалось делать? Собрались вместе и попробовали наняться в другие системы, куда-нибудь подальше. Но ты ведь знаешь, как это трудно сделать без бумаг о своем безукоризненном прошлом. Мы стали падать в буквальном смысле слова на дно. Поселились в городишке Манмоут, ну, это там, где ремонтируют торговые крейсеры, в каком-то заброшенном домишке. И по очереди ходили по городу, поднимаясь к разным торгашам, копя деньжата на дальнейшее странствие. И каково же было наше удивление, когда однажды ночью нас всех разбудил Малыш, с криками ворвавшийся в нашу скромную спальню: «Вставайте, вставайте! Я только что видел Тантоитана!»

Я огляделся по сторонам:

– А кстати, где он?

– Несет вахту наверху! – Видя, что я поощрительно улыбнулся, Гарри пробурчал: – Ты что, нас совсем за школьников принимаешь? – Потом продолжил: – Малыш и Алоис наткнулись на тебя, жующего полусгнившие пищевые отходы, возле каких-то мусорных баков. Узнали сразу, хоть и с некоторыми сомнениями и спорами. Но до того были шокированы твоим видом и поведением, что не знали, как поступить. Может, ты сам не хочешь идти с кем-либо на контакт? Может, скрываешься подобным образом? Оставив Алоиса наблюдать за тобой, Малыш рванул за нами. Мы все вскочили и через короткое время сами лицезрели твое невероятное превращение. Зрелище, я тебе скажу, было не из приятных. Всклоченные волосы, в которых чего и кого только не было, трехмесячная борода, в которой копошились не то черви, не то их личинки. Все это обрамляло худящее лицо с торчащим носом. На теле висели невыносимые лохмотья, кишачие невыносимым количеством различных насекомых. Взгляд у тебя отсутствовал. Виднелись только белки с застывшими зрачками, в которые было больно смотреть. Мы за полчаса провели тщательнейший осмотр местности и, только когда убедились, что за тобой никто не следит, попытались привлечь твое внимание. И сразу поняли: ты невменяем. Пришлось там же тебя раздеть, помыть, продезинфицировать и одеть в свежую одежду. Ты выглядел живым трупом: ни на что не реагировал, никого не видел, никого не слышал. Единственное, что в тебе жило, – это чувство голода. Ты ел все, что пахло пищей. Да оно и понятно: создавалось впечатление, что твой организм не кормили все три месяца, которые мы не виделись, – одни кости и кожа... Ну и дырки на теле от уколов.

Я стал рассматривать свои руки.

– Ну сейчас-то уже ничего не видно. Мы тебя кормим и лелеем все это время лучше, чем самих себя, вместе взятых. А что самое дивное, так это то, – Гарри с завистью похлопал меня по бицепсу, – что твои мускулы восстановились до прежнего состояния. А ведь ты не бегаешь, не плаваешь, не тренируешься, ходишь все время как сомнамбула. Когда надо убежать, я беру тебя на руки или вскидываю на плечо, как мешок с картошкой. Мы никак не можем понять, как восстановился твой организм. Я имею в виду – физически. Потому что умственно – это наша заслуга. Да, кстати! Выпей-ка, голубчик, лекарства! Заболтались – а у тебя режим.

Гарольд достал из картонного ящика подозрительно грязного вида бутылку и налил в стакан не менее подозрительную коричневую густоватую кашу.

– На, пей! – Он протянул стакан под самый мой нос.

Собравшись отшатнуться от ожидаемой вони, я, осторожно принюхавшись, вдруг с удивлением уловил запах какой-то ароматной древесины. Возможно, это были стружки или опилки. Но консистенция все равно вызвала у меня вполне небеспочвенные опасения.

– Да что ты принюхиваешься?! – возмутился мой друг. – Еще сегодня утром ты всю порцию выпивал одним залпом, а потом долго облизывал палец, предварительно тщательно вытирая им стенки стакана. А сейчас, гляди, поумнел!

Понимая, что меня никто не собирается отравить, я осторожно сделал небольшой глоток. И чуть не умер! Сказать, что это была самая невкусная вещь, которую я пробовал в своей жизни, значит ничего не сказать! Это был конгломерат всего самого омерзительного, горького, пересоленного, кислейшего, липкого, клейкого и приторного. Я стал бешено плевать на пол, пытаюсь избавиться язык и полость рта от противнейшего лекарства, а глазами стал искать какую-нибудь емкость с водой. Единственное, что меня радовало, так это отсутствие спазма в горле и дыхательном тракте. Гарри тем временем уселся в какое-то подобие старого кресла и наблюдал за мной со счастливой улыбкой. Когда же я показал кулак, он от души рассмеялся.

– Ну теперь-то я вообще спокоен. По словам твоего лечащего «доктора», в тот момент, когда тебе опротивеет лекарство, ты и станешь совершенно здоров. Он утверждал: «Память тогда вернется к нему окончательно».

Давя в себе позывы к рвоте, я пролепетал одеревеневшим ртом:

– Дай, гад, хоть чем-нибудь запить! Покрепче!

– Ну не знаю... можно ли тебе... – Гарри в раздумье почесал подбородок. – У меня тут есть алкогольный напиток, крепковатый, но довольно приличный. – Он достал из кармана куртки плоскую флягу. – Местная, так сказать, достопримечательность. И к тому же не последняя.

Поймав брошенную мне флягу, открутил крышку и тоже понюхал содержимое. И ничего не почувствовал: все перебивал идущий изо рта опротивевший мне запах древесины. Поэтому, обреченно вздохнув, я стал пить, пытаюсь распробовать жидкость бесчувственным языком. В горле стало приятно жечь, а через несколько глотков согревающая благодать достигла желудка и утихомирила готовую подняться там бурю. Я одобрительно закивал.

– Вот чем меня надо было лечить! Как называется?

– Саке.

Я пивал этот напиток и прекрасно знал, откуда он родом!

– Ты говоришь, это местный напиток? Так мы, значит, находимся на...

В этот момент звякнула одна из нескольких бутылок, подвешенных вдоль стены под лестницей. Взглянув на нее, Гарольд скомандовал:

– Постоянные гости, все начеку! – Потом, как бы извиняясь, стал объяснять мне: – Это местные мздоимцы, часто к нам заходят. Но с нас им брать нечего – повыделываются и отваливают. Хоть и надо быть с ними осторожнее: чуть что, махают мечами, как подорванные. Мы бы их давно устранили, да неохота засвечиваться, прикидываемся бродягами музыкантами.

Вдруг звякнула другая бутылка. Гарри озадачился:

– Ого! У них прикрытие – следом еще кто-то прется! Но это все ерунда. Здесь мы находились только из-за панацеи для твоих мозгов. Теперь можем уходить. Хотя решать тебе. – Он перехватил мой взгляд на лестницу и добавил уставшим голосом: – Да есть здесь запасный выход, есть! Ты лучше решай, что делать будем.

– Я еще не совсем вник в обстановку, поэтому поступай, как посчитаешь нужным.

– Ну, тогда, – Гарри стал говорить тише, прислушиваясь к шумам, раздававшимся в здании где-то повыше, – притворяйся дебилом и наблюдай.

Я постарался придать своему лицу вид умственно неполноценного музыканта. Судя по реакции моего друга, у меня это получилось более чем превосходно. Он даже забеспокоился:

– Ты чего? Притворяешься... или опять...

Я презрительно хмыкнул, а потом, закатив глаза еще больше, радостно замычал что-то нечленораздельное и восторженно захлопал в ладоши.

– Смотри не переиграй! – посоветовал Гарольд. Затем, не сдержавшись, все-таки подковырнул: – Хотя, возможно, это и есть твое истинное лицо, которое ты не смог прятать только последние полтора года.

Но я не стал отвечать едкостью, так как мысли мои совершенно неожиданно отправились в другую сторону.

Земля?! Значит, я на Земле?! Всю свою жизнь мечтал побывать на этой планете. Хотя я прекрасно знал, как здесь живут, стремление посетить это место не покидало меня никогда. Еще в школе я говорил о желании слетать сюда хотя бы на каникулах. Не разубеждали меня в этом ни насмешки товарищей, ни скепсис учителей, ни продолжительные рассказы моих родителей об этом заброшенном

мире. Мне хотелось лично увидеть все земное и подышать воздухом, которым дышали родившиеся здесь великие гении прошлого, объединившие все человечество своими творениями и изобретениями.

И вот я здесь! Как странно распорядилась судьба, забросив меня в неменяемом состоянии, пока еще не знаю, как и зачем, туда, где я решил побывать в обязательном порядке. Мне даже стало обидно. Узнать, что я на Земле, и при этом находиться в вонючем, полутемном подвале, в незнакомых мне одеждах, скорее всего, без денег и оружия – и благо еще, что в окружении моих лучших товарищей.

Уже много столетий, как жизнь на Земле вызывает снисходительный смех, а то и неприкрытое презрение почти у всех людей, живущих в Галактике. Когда-то вознесшаяся на самую вершину славы и величия земная цивилизация теперь катилась (по всеобщему мнению) к своему полному упадку и находилась на пути регрессивного развития. Или, как выражались некоторые специалисты, «жители планеты из-за своих амбиций впали в исторические коллапсоидные кольца зацикленности на собственной значимости и превосходстве своих национальных особенностей». Но так говорили другие. Мне же хотелось самому все здесь увидеть и создать собственное мнение о том, почему именно на Земле были сделаны четыре самых великих технических открытия, по праву занимающих первые места во всех классификациях и исторических рейтингах нашей Галактики. И что интересно, все они были сделаны на протяжении одного двадцать первого века.

Самое первое и, пожалуй, самое главное из них – это создание притана, материала, отсекающего или аннулирующего гравитацию. Открытие было сделано в одном из средних государств тогдашней Земли. Фирма, изобретшая притан, долго держала это в секрете. И вначале называлась очень просто: «Доставка всего в любую точку». Даже правительство той страны, состоявшее в то время из воров, лжецов и преступников, не могло заподозрить, что под скромной вывеской транспортной компании взрастает самое мощное в мире монопольное предприятие, постепенно входившее во все сферы жизни и управления государства. И когда впервые президент «Доставки», а именно так потом и до сих пор кратко стала называться эта фирма, во всеуслышание заявил, что мы, мол, можем доставлять все, что вы хотите и куда хотите, хоть на Луну, в правительстве это сообщение было принято за шутку. Но когда первые гигантские платформы, за огромные, между прочим, деньги, доставили оборудование, людей и все необходимое на спутник Земли, правящее жулье

прямо-таки озверело. Они увидели, какие богатства поплыли в казну «Доставки» от самых богатых и дальновидных бизнесменов Земли, и попытались подгрести эти средства под себя. К тому же самыми мерзкими методами. Но палка оказалась о двух концах. «Доставка» к тому времени так крепко стояла на ногах, что после короткой резни устранила прогнившее правительство и поставила у власти своих людей. А фактически – самое себя. Остальные страны внешне смирились с таким положением, но приложили усилия всех своих разведок для выяснения секрета производства притана. Самое смешное, что они добились своего – секрет был выведен, но... К тому времени акционерами «Доставки» стали все самые крупнейшие финансовые магнаты планеты. А кто руководит правительствами и в конечном счете разведками?

Началась интенсивнейшая экспансия землян в близлежащее космическое пространство. Надолго забыли о вражде между собой, и даже сами напоминания о войнах стали кощунственными. Каждый человек стал на вес золота.

В течение нескольких лет были освоены Луна, Марс. Чуть позже Венера и даже Меркурий. Огромную роль в этом сыграло второе эпохальное изобретение: способ Телепортации Вещества. Сокращенно названное СТВ. К сожалению, можно было моментально отправлять в любую точку Вселенной только одно – дистиллированную воду. Ну а что может быть лучше? На Земле в огромную шахту, передатчик, рекой падала морская вода, а приемник на Луне низвергал из себя в подлунные пещеры прозрачную, чистейшую воду. На поверхности Венеры в передатчик под огромным давлением падали спрессованные газы ее удушливой атмосферы, а на Марсе приемник, тоже под большим давлением, распылял дистиллированную воду, превращая ее в необходимые дождевые облака, расходящиеся по всей планете. И при этом в «отстойниках» передатчиков скапливались несметные количества почти любых металлов и минералов, растворенных как в морской воде, так и в смесях тяжелых газов. Оставалось только разложить все это по полочкам и использовать по назначению.

Это открытие, как и последующее, с ним связанное, тоже принадлежит ученым «Доставки». Хотя злые языки утверждают, что оно было куплено разбогатевшим конгломератом на корню. И за такие немислимые средства, что потомки тех, кто его продал, до сих пор не могут потратить, проиграть и растратить доставшееся им в наследство достояние. Но суть от этого не меняется. Как, к сожалению, и само открытие. Ибо за прошедшие с тех пор полторы тысячи лет лучшие ученые так и не смогли усовершенствовать СТВ для переноса хотя бы

еще чего-либо в каком-либо состоянии. Не говоря уже о всеобщей мечте – телепортации живой материи, а в идеале – человека.

Лучшее, что было сделано на основе СТВ, – это третье открытие, названное историками Великим Карманным Чудом. Да и как не назвать чудом маленький карманный прибор – в быту их именовали краберами, – заменивший подобный по величине телефон мобильной связи, но вмещающий в себя и телепередающие, и приемные функции. И самое главное – связь была мгновенной. В момент нажатия кнопки вызова сигнал поступал в ту же секунду на искомый крабер, где бы тот ни находился: в соседней комнате или в другом конце Галактики. Причем без центральной диспетчерской, внешних антенн и возможности прослушивать переговоры.

Правда, и здесь нашлось одно пренеприятнейшее и странное исключение – краберы не функционировали вне пределов нашей Галактики. Пятнадцать веков и здесь не принесли никаких технических улучшений, как ни бились над этой проблемой. Когда это выяснилось, многие разведстанции, движущиеся к соседним галактикам, вернулись обратно. Немыслимо огромные межгалактические расстояния заставили задуматься всерьез о необходимости подобных экспедиций без надежной, постоянной связи. Ведь даже четвертое изобретение землян – нейтронно-кварцевые двигатели – позволит совершать перелет туда и обратно не менее чем за шестьсот лет!

Естественно, многие экспедиции после возобновления связи краберами снова вернулись на прежние курсы. Некоторые вообще не беспокоились о потере связи и продолжали свой путь. Но... по всем подсчетам, уже должны были возвращаться первые из посланных экспедиций, а от них еще не было ни слуху ни духу. В последние два столетия стали отправлять разведбазы к другим галактикам со специальными ракетами обратной информации. Ракеты эти стартовали с борта судна через определенное время (раз в месяц) и, вернувшись к точке, в которой уже срабатывали краберы, автоматически передавали накопленную информацию. Но последние сообщения на данный момент поступили от разведбаз, которым еще было далеко даже до середины пройденного расстояния.

Но это происходило сейчас, а тогда!.. Тогда земная цивилизация начала триумфальное шествие по звездным системам нашей Галактики. Почти одновременно землянами было найдено несколько других цивилизаций, первые из сорока восьми существующих на сегодня. Никто из них не имел между собой

связи и сведений друг о друге. Поэтому лидерство Земли было принято сразу и надолго. Об этом свидетельствует факт введенного единого летосчисления – по земному календарю. При начавшемся обмене знаниями объединение цивилизаций и поиск новых пошел с всевозрастающим ускорением.

Самым великим и загадочным во всем этом было то, что подавляющее большинство разумных существ в Галактике являлось гомо сапиенс. Всего лишь с несколькими исключениями. Единственные различия между людьми были в цвете кожи, волосяном покрове и, очень редко, в росте. Подобные сходства дают темы для споров, дискуссий и выдвижения гипотез о происхождении человека уже полтора тысячелетия, но так и не сложилось общего мнения относительно того, как появился разум и почему он разбросан по всей Галактике.

Хоть и было одно существенное различие между земной и всеми остальными цивилизациями. Оно состояло в полнейшем отсутствии у последних любых, даже самых мало-мальских религий. Как этому обрадовались деятели различных конфессий и религиозных уклонов, более или менее процветающих на Земле! Толпы миссионеров ринулись в открытые миры с целью заполучения новой паствы и расширения ареала своих верований. Но в этой своей экспансии Земля в конечном счете потерпела полное фиаско. Вначале другие цивилизации смотрели снисходительно на строительство храмов, костелов и мечетей. Если имеешь деньги, покупай землю и строй что хочешь. В рядах безверцев даже находились сочувствующие привнесенным религиям. Не обошлось и без нескольких тысяч новообращенных. Но со временем все стали полностью игнорировать миссионеров и совершенно не обращали на них внимания. И те тихо отдали своим богам души. А вновь построенные шикарные, великолепные здания сгодились на объекты, посещаемые немногочисленными туристами с целью ознакомления с образцами земной архитектуры и зодчества.

А к двадцать девятому веку уже утратилось и политическое значение Земли как центра по освоению космоса и обогащению всего человечества. Основной причиной этого послужило передислоцирование к центру Галактики как самой «Доставки», так и всех ее служб, руководства и капиталов. Что было выгодно для оной во всех отношениях – и с практической, и с финансовой точки зрения. Но правительство-то на Земле осталось. С очень пышным названием – Объединенное правительство всех стран и народов. Привыкшее быть всегда в центре внимания, зная, что к его мнению прислушиваются, оно продолжало навязывать остальным мирам свои нравы, традиции и обычаи. Причем в правительство входило такое количество представителей от каждой из

многочисленных стран, что уже само это вызывало здоровый смех у остального населения Галактики.

Практически все миры стремились как к объединению своих многочисленных заселенных планет, так и к общему экономическому и культурному развитию. Почти во всех мирах был введен новый общий язык – галакто. Редко где можно было услышать разговор на местных наречиях, и уж совсем большой редкостью являлись планеты, где галакто полностью отсутствовал. Совсем полным абсурдом считалось наличие в любой звездной системе более чем одного правительства.

А с Земли постоянно раздавались вопли о нарушении прав каких-то меньшинств, неслись призывы о помощи в возрождении и восстановлении забываемых языков и утрачиваемых традиций. Причем призывы эти относились к совершенно далеким и новым мирам, которые и сами-то прекрасно знали, как им существовать. Зато на Земле стало ставиться во главу угла, причем с большой помпой и рекламой, все традиционное, старое и незыблемое. В каждой стране изучался только свой язык. Проповедовались только свои нравы, обычаи и незыблемость всех правил поведения. Знание галакто даже считалось дурным тоном, и подобные новшества презирались. Земляне даже перестарались, вводя в свою повседневную жизнь давно забытые манеры и правила поведения чуть ли не тысячелетней давности. В одной стране стали носиться с ятаганами и жить в шатрах. В другой бегали со шпагами и вызывали друг друга на дуэль. В третьей попросту рубили мечами головы и вспарывали животы своим противникам. Кое-где даже облегчились до набедренных повязок и принаравливались к луку и стрелам, взывая к ведению здорового образа жизни – на лоне природы и под открытым небом.

И это уже было не смешно. Но что было делать? «Доставка», оттолкнувшись от Земли и отряхнув прах ее со стоп своих, заботилась уже о всей Галактике. Ей было совершенно безразлично состояние дел на своей планете-праматери, и руководство если и вспоминало о Солнечной системе, то только при рассказе и прослушивании новых анекдотов, главными героями которых были выжившие из ума обитатели «земного зверинца».

А Союз Разума, детище новообъединенных цивилизаций, проповедовал полное невмешательство во внутренние дела любого мира и свободный выбор своего пути исторического развития.

В итоге Земля катилась к своему закату. Сюда даже перестали приезжать туристы из-за небезопасности подобных путешествий. На древнюю планету не рисковали прилетать бизнесмены, торговцы и даже пройдохи-аферисты. Чем можно разжиться среди отсталых, но амбициозных дикарей? Да ничем, кроме неприятностей!

А неприятностей добропорядочные жители Галактики не любили и искать не собирались.

Ну это они! А я-то? Получается, что я недобропорядочный, раз я здесь и, мало того, давно мечтал здесь побывать! Да еще и притворяюсь полным дебилом!

Я почесал огромную кудлатую бороду, в душе и возмущаясь, что меня не брили, вероятно, все это время, и соглашаясь с правильностью подобного решения.

А в подвал тем временем прямо-таки ввалились семь человек в самых экзотических и дивных одеждах. Почти у всех за плечами находилось по одному, а то и по два длинных тонких меча, на поясах висели в сверкающих ножнах кинжалы, пригодные как для метания, так и для ближнего боя.

Мне непроизвольно вспомнились слова моего учителя по фехтованию – пожалуй, самого лучшего в Галактике: «Я еще ни разу в жизни не встречал человека, выжившего в современном бою с помощью любого, пусть даже лазерного, меча. Но ты, – это он мне говорил, когда я как-то высказался о бесполезности подобного оружия, – должен всегда уметь пользоваться как мечом, так и кинжалом в любой защите и при любом нападении. Когда-нибудь это тебя может спасти!» Действительно спасало, и не раз.

«Уж не настал ли опять подобный момент?» – подумал я, рассматривая шумную компанию. Шестеро были, при всей их разнообразности, по-моему, одного племени. Лишь седьмой явно выделялся длинными, свободными одеждами, в дутых складках которых можно было спрятать какое угодно современное оружие. Он остался стоять на самой нижней ступеньке лестницы, заняв тем самым очень выгодную позицию. Мне это сразу не понравилось. Но и не только мне одному. Гарри радостно поднял руки вверх и хлопнул в ладоши три раза. По нашему коду это означало: «Все внимание на последнего!» И первой же фразой дал понять, кому он дал эту команду:

– Какие гости! Вот это встреча! Роберт, дружище! Посмотри-ка, что у нас осталось для угощения?

Роберт! Да, это тот самый парнишка, что сидел на деревянном ящике ближе всех к лестнице. Чуть ли не ломаясь в умильном поклоне, он вскочил и стал неловко рыться среди ящиков и прочей рухляди, накиданной возле него. С видом начинающего фокусника он извлек откуда-то две двухлитровые бутылки с темно-красным вином. Я это понял по этикеткам, на которых красовались виноградные гроздья. И Роберт! Роберт даже с этими несуразными бутылками смотрелся как сама невинность.

Любой, глядящий впервые на его курносое лицо, усыпанное веснушками, никогда бы не принял его за опасного противника. И те, кто отнесся к Роберту подобным образом, почти все превратились в навоз. Этого неповоротливого на вид мальчишку мы между собой называли Молния. Если кто и мог кидать любые предметы со смертельной точностью лучше меня, так это был он. Роберт иногда показывал один из своих коронных трюков. Делая сальто, он одновременно кидал банку с консервами и нож. При этом банка оказывалась пришпиленной к стене в любом заданном месте. Именно поэтому он работал со мной на многих рискованных заданиях, и я был рад, что Гарольд не отказался от его услуг. Несмотря на одно большое пикантное недоразумение, произошедшее между ними в недалеком прошлом.

Роберт, подскочив к Гарольду, услужливо протянул обе бутылки:

– Вот, маэстро! Еще целых две осталось!

Маэстро?! Я чуть не засмеялся, вспомнив, что ни у одного из нас, кроме Малыша конечно, нет музыкального образования.

– Всего-то?! – угрожающе прорычал Гарри, беря бутылки и злобно сдвигая брови. – А где еще две?! Потрох ты эдакий!..

– Так ведь с утра так пить хотелось, и, пока вы спали, я и не заметил, как одну по чуть-чуть и выпил до дна, – смущенно затараторил Роберт. – А другая... – он виновато развел руками, – разбилась...

– Ах ты!!! – Гарри хотел замахнуться, но, вспомнив, что у него в руках, спохватился и заорал: – Совсем охамел?! Алкаш чертов! Ну погоди, я те позже насыплю! Пшел на свое место!

Воровато оглянувшись, Роберт повернулся и собрался идти к своему ящичку, но Гарри вдруг сделал шаг вслед за ним и изо всей силы пнул ногой под зад. Под дружный хохот прибывших Роберт сделал несколько кувырков и распластался возле самой лестницы. Приняв сидячее положение, одновременно потирая ушибленные зад и голову, обиженно заскулил:

– Ну что вы, маэстро?! Ведь еще же целых две осталось! – чем вызвал еще большее веселье у окружающих.

– Ты теперь у меня одну воду пить будешь! – убежденно пообещал маэстро, откупоривая первую бутылку. Сделав несколько неслабых глотков, он передал вино самому грузному и внушительному на вид самураю – вероятно, их предводителю. Потом открыл вторую и, тоже надпив, вручил другому, самому ближнему к нему гостю. – Угощайтесь ребята! Как у вас говорится: чем богаты, тому и рады. Хоть и немного, но от всей души.

Гости стали не спеша пить, передавая вино друг другу. Видимо, подобное происходило при каждом их посещении. В первый момент, удивившись, что мой друг не угостил вначале других, я вдруг вспомнил еще одну печально известную особенность жизни на Земле. Здесь делались самые страшные и опасные яды и галлюциногены, запрещенные и не допускаемые в другие миры. Поэтому любые предосторожности в этом направлении на древней планете не были излишними.

– Неплохое, неплохое! – одобрительно причмокнул бритый толстяк. – Конечно, не самое лучшее...

– Ну так, – сокрушенно поднял плечи Гарри, – при наших-то доходах! Скоро совсем от голода изойдем.

– А что ж так? – удивился вожак. – Перестали подавать?

– Перестали?! Так ведь с самого начала и не подавали! – возмутился наш маэстро. – Я все-таки решил послушать твоего совета и перебраться в Токио. Думаю, столица нас лучше прокормит. Как, ты говоришь, зовут твоего брата, к

которому мне надо будет обратиться за помощью?

– Сандаки! Он заправляет в районе Перешейка и, если сошлетесь на меня, поможет вам обустроиться. – Самурай говорил на ломаном галакто, но вполне сносно и понятно. – Хотя... если бы вы захотели, и здесь я бы подобрал для вас занятие! – Сказав это, он оглянулся, а потом, как бы невзначай, сделал шаг в сторону. Теперь между мной и стоявшим на лестнице никого не было, и я почувствовал, что меня пристально разглядывают. И с каким-то нездоровым интересом. Я продолжал сидеть согнувшись и чуть раскачиваясь, монотонно мыча себе под нос и грязным пальцем перебирая ребра лежащего рядом моего музыкального инструмента.

– Да нет! – оживленно продолжал разговор Гарольд. – Ты знаешь, мы люди творческие, думаю, и так себе на жизнь заработаем. Ты бы знал, как нам здорово жилось на Овчаре! Мы выступали в лучших заведениях и ресторанах и катались как сыр в масле. Если бы не этот гад аккордеонист, чтоб он сдох при рождении! – Он со злостью сплюнул на пол. – Угораздило идиота спереть шкатулку драгоценностей у родственницы самой королевы! И вот результат: он там гниет в песках, а мы здесь прозябаем. Да еще и брату мозги отбили. – Он сочувственно, чуть ли не со слезами погладил меня по голове. – Там полицейские хуже зверей! Хорошо хоть всех не покалечили.

– Сравнил! – хмыкнул самурай. – Здесь у нас совсем другие порядки. И люди вроде нас живут припеваючи. – Потом заржал и скаламбурил: – Или под песни таких, как вы, лабухов!

И вот тут он сделал грубую ошибку, которая решила участь всех гостей. Полуобернувшись, он сказал несколько фраз на гортанном местном наречии, совершенно, правда, для меня непонятном. Но один из его людей вдруг перевел эти фразы на пиклийский(!), обращаясь к человеку на лестнице:

– Шеф спрашивает, долго ли нам еще здесь торчать и тот ли это человек, что вам нужен?

Пиклиец, а в том, что он был оттуда, мы все догадались сразу же, в раздумье пробормотал на своем родном языке:

– Побрить бы этого дурика... – Потом, чуть помедлив, принял решение и скомандовал на галакто: – Подведите-ка его ко мне поближе, а то я даже рост не могу рассмотреть!

Предводитель самураев, явно не привыкший, чтобы ему давали указания, с кислой мордой прогаркал что-то своим людям и указал на меня. Двое из них подскочили ко мне и попытались поставить на ноги. Я поджал ноги и замычал еще громче. Заметив, что Гарри забеспокоился, самурай похлопал его по груди и заулыбался:

– Не бойся толстяк, ничего твоему брату не сделают!

Но мой друг уже все просчитал и дал следующую кодовую команду:

– Он же, бедненький, и так побитый, а вы ему еще и все последние зубы выбьете! – Это он говорил обеспокоенным голосом, просительно сложив руки на груди и чуть ли не целуя похлопывающую его руку.

Тем временем меня поволокли к лестнице. Все самураи явно не ожидали от нас ничего плохого и совершенно не были готовы к схватке.

– Он же совсем не сможет потом кушать! – дал Гарольд заключительную команду.

Но моусовец что-то почувствовал. Глаза его вспыхнули, а с уст сорвалось короткое ругательство. Длинные одежды опасно зашевелились, топорщась поднимаемым оружием. И у него было выгоднейшее положение! Единственный, о ком он забыл и на кого не обращал должного внимания, – Роберт. Метко брошенный обломок стальной арматуры пронзил глаз пиклийца и вылез из затылка. Он рухнул как мешок, так и не успев воспользоваться ничем из своего арсенала. Еще в момент падения его тела я резко вытянутыми ногами махом сбил поддерживающих меня молодцев, схватил их головы локтевыми захватами и изо всей силы пригнулся к полу. Их шейные позвонки хрустнули, как раздавленные спичечные коробки.

Гарольд тем временем превратил свои руки из просящих в карающие. Выхватив у стоявшего к нему боком вожака меч, он почти отрубил тому голову с расширенными от удивления глазами и, не давая мечу остановиться, вспорол

живот и грудную клетку другому самураю. И этот успел лишь уронить бутылку да попытался дотянуться до наспинного меча. Но так и упал на спину с заведенной за голову рукой.

Пятый самурай оказался единственным, кто попробовал и имел возможность причинить нам вред. Молниеносно выхватив меч, он нанес такой страшный и коварный удар в направлении Николая, что тот спасся только чудом, уйдя в заднее сальто и грохнувшись всем телом о стенку. Нападавшему оставалось только довершить расправу. Он даже сделал шаг в сторону намеченной жертвы, даже рот раскрыл для готового вырваться крика о помощи. Но так и замер. А потом медленно осел на пол. Из простреленного маленькой ядовитой стрелой горла раздался лишь булькающий хрип агонизирующего тела. Это выстрелил из своей «флейты» Армата. До этого он игрался ею как простым музыкальным инструментом. Я мысленно успел удивиться этому, так как Армата всегда специализировался только на самом современном и сложном вооружении.

С переводчиком вообще получилось как нельзя лучше. Крутнувшись по полу, Роберт сбил его с ног и оглушил, ударив ребром ладони по затылку. За такую прекрасную работу я, не удержавшись, показал большой палец. Подобный жест был большой похвалой с моей стороны.

На весь этот скоротечный бой ушло не больше четырех секунд. Не раздалось ни одного громкого крика, могущего привлечь внимание тех, кто был наверху. Но мы все замерли на некоторое время, прислушиваясь, не подойдет ли к самураям подмога. Все было тихо. Гарольд подскочил к углу с бутылочными сигнализаторами и стал легонько подергивать за отдельно висящую веревочку, отдавая при этом вполголоса указания:

– Таити, поищи оружие на этом. – Он кивнул мне в сторону пиклийца. – И держи лестницу! Роберт, тащи переводчика в подсобку и подготовь к домотилу. Все трупы туда же, и здесь немного прибрать!

Я расстегнул длинные одежды расprostертого у лестницы трупа и вздрогнул, увидев в остывающей руке мощнейший парализатор с включенным индикатором готовности и на полном режиме. Ему не хватило какой-то десятой доли секунды! Сейчас бы мы валялись бесчувственными мешками среди этих куч мусора на пыльном и грязном полу. Если бы не Роберт...

Парализатор удобно разместился в моей руке, направленный раструбом на верхушку лестницы. Другой рукой я вытащил из нагрудного кармана трупа изящный пистолетик и отправил в объемистый, но до этого совершенно пустой карман моих штанов. Ребята в отличном темпе спровадили все тела за угол подвала и прикрыли кровь на полу различным мусором. Гарри, прислушиваясь к рывкам веревочки, говорил:

– Малыш видит одного: тот стоит в другом конце ангара и переговаривается с кем-то, кто стоит на выходе из здания. Значит, их еще минимум двое. Даю ему команду: если удастся, пусть убирает кого может, но тихо. Идем в подсобку, слушаем, что болтает наш полиглот.

Мы пробежали за угол, и вместо ожидаемой кучи тел я увидел торчащую из люка в полу голову Николая. Он держал на уровне глаз готовый к бою небольшой автомат с коротким стволом. Скорее всего, изъятый все из того же недавно еще ходячего «арсенала».

– С шажывными! – обрадованно прошепелявил он, выскакивая наверх и пропуская нас в «подсобку».

– А где ж твои зубки-то, красавчик? – удивился я, заметив пустой провал между его губами.

– Слышь, дантист! – вмешался Гарри, уже спустившийся под пол и высунувший оттуда свое лицо. – Еще успеешь послушаться жутких и длинных историй о наших мытарствах с неменяемой персоной. Прыгай сюда! А ты, Николай, встань к углу и лупи любого, кто к нам ползет. Малыш сюда уже не вернется. Смотри только, чтобы бомбу не бросили!

Действительно, обстановка была не до расспросов. Неизвестно и сколько человек охотится за нами (а может, только за мной?) наверху. Может, вообще все здание оцеплено? Мы пробежали по слабоосвещенному коридору, стены которого были увиты ржавыми трубами и прогнившими кабелями, и, сделав два поворота, оказались в большой круглой комнате. Лампа слепящим светом охватывала стоящие по периметру баки и в центре прикрытый решеткой зев уходящей вглубь шахты. Все еще бесчувственный переводчик был привязан к железному креслу. Роберт стоял рядом, держа в руках ампулу с домутилом и вопросительно глядя на нас.

- Давай вводи! – скомандовал Гарольд.

- Стоп! – вмешался я. – Есть антидот?

- Есть, но очень мало, всего две порции.

- Ему нет смысла врать, – объяснил я свое поведение. – Приведи-ка его в чувство!

Роберт вместительным ковшиком зачерпнул воду из стоящей рядом бочки и начал поливать привязанного. Тот вздрогнул, застонал и стал медленно покручивать головой, разминая ушибленные мышцы. Налитые кровью глаза немного прояснились, и он, лишь мельком взглянув на свои привязанные руки, уставился на нас.

- Как зовут? – Я спрашивал громко, кратко и голосом совершенно не допускающим ни возражений, ни снисхождения.

- Цой Тан! – ответил переводчик, поморщившись от боли в затылке.

- Знаешь, что такое домутил?

Он вздрогнул:

- Знаю!

- Вводить? – Я показал пальцем на ампулу в руках Роберта.

- Не надо!

- Сколько моусовцев наверху?

- Еще трое.

- Как и где они расположены?

- Один на входе в здание и двое в машине, метрах в двадцати от портала.

- Кто еще наверху?

- Больше никого.

- Что или кого они ищут?

- Уже третий день мы с ними обходим все трущобы в поисках какого-то человека. Особенно тщательно они осматривают шизиков, дебилов и прочих чокнутых. И с очень большой предосторожностью - как нам казалось, даже излишней... - Он ощупал взглядом мою фигуру и саркастически приподнял уголки губ. - Теперь мне уже так не кажется!

- Кто эти пиклийцы здесь?

- Официально торговые представители какой-то фирмы.

- А неофициально?

- Скупают любую отраву, которая попадается, и подкармливают разных... вроде нашего шефа. Иногда набирают желающих в экспедиции на Новые миры. Ну, по крайней мере, так они говорят, - вздохнув, добавил он. - Я тоже хотел улететь...

- Поэтому и выучил языки?

- Да! Надоело в этом болоте.

- Что еще важного знаешь, что надо знать нам? Только быстро!

Он на секунду задумался.

- Машина у них только с виду простая, а внутри чего там только нет. И главное - может летать! - Мы многозначительно между собой переглянулись. - А самый опасный среди них тот, что стоит на выходе. Раньше он был звездным охотником.

– С чего ты взял? – Я не скрывал недоверия.

– Я возле них уже несколько месяцев подвизаюсь, – доверительно сообщил Цой Тан. – Ловлю каждое слово, заглядываю всюду, куда удастся. И еще – у него есть крабер.

– У кого?! – вырвалось у меня.

– У бывшего охотника! Он его всегда носит с собой.

Вот это да! На Земле краберы были строжайше запрещены. Их могли иметь только члены правительств и уж о-очень крупные воротилы. В этот момент послышался шорох – и из шахты показался Армата.

– Выход разблокирован, вокруг ни души!

– Этого... – Я показал пальцем на сжавшегося переводчика, и Роберт вопросительно сделал рукой жест по горлу. – Нет-нет! Просто устрой так, чтобы он не шумел и не мешал!

– Есть дайенский шарик! – подсказал Гарольд.

– Чудесно! – разрешил я.

Пять секунд – и голова Цой Тана оказалась в белом матовом шаре, немного обвисающем на его плечах. Это коварное изобретение из системы Дайен позволяло пленнику только дышать, лишая в то же время слуха, зрения и возможности говорить. Снять его без кодового слова было почти невозможно, и при попытке острые ядовитые струны тут же впивались в лицо, вызывая скоротечный конец. Шарик действовал только пять часов. Если его за это время не снимали, то, в зависимости от заданной команды – «смерть» или «жизнь», – он либо умерщвлял пленника, либо расслаблялся и отпускал голову своей жертвы. Дайенский шарик был удобен и в хранении: не больше средней книги в сложенном состоянии. Если мы не вернемся сюда, участь пленника будет решена: много видел и знает. Хоть он и мог пригодиться.

– Мы все – к выходу, туда, где машина! Удастся взять целой – хорошо! Возьмем кого-то живым – вообще прекрасно! Но! Никто из них не должен уйти! – Хоть я постоянно и перехватывал командование у Гарольда, но тот выглядел вполне довольным. – Роберт, бери парализатор. Коси под кого хочешь, но водилу выруби. С остальными – не цацкаться, валите сразу. Вперед!

Спустившись в шахту, пробежали пару узких сырых подвалов, поднялись по нескольким пролетам, нырнули в какой-то лаз и наконец выбрались через проем бывшего камина в большую залу. Она была без единой целой двери и окон, потолка и даже крыши. Вместо крыши, на десятиметровой высоте, чудом держались перекрученные железные балки, готовые рухнуть в любой момент.

Армата первым выглянул из углового окна и сообщил:

– Никого! Ну, кроме тех, что обычно.

– Где их машина? – Я тоже выглянул, обозрев улицу, заваленную по обочинам самым разнообразным и немыслимым металлоломом и полуистлевшими спальными модулями. Между ними бродили, сидели или еще чем угодно занимались люди самых разных форм и норм поведения, в самых диких и несусветных одеждах.

– За тем углом. – Гарри показал взглядом на ближайший остов какого-то древнего завода.

– Далеко с другой стороны?

– Пока мы дойдем с этой, Роберт будет уже там. Он всегда у нас бегаёт как мальчик на посылках. На него никто не обратит внимания. Давай в темпе!

Роберт тут же, полусогнувшись, пробежал между хламом и обломками, валяющимися на полу, и скрылся в проеме с другой стороны.

– Пошли? – Я спрашивал у Гарольда, так как не знал местности.

– Через соседнюю комнату! – скомандовал тот. – И дай мне руку! – Заметив мое недоумение, подковырнул: – Ты что, забыл о своем кретинизме? Опять память

потерял?

Интересно, подумал я, долго ли он будет надо мной издеваться? Хотя... последние полтора года... совсем не могу поверить! Чувствую, наслушаюсь я еще от них леденящих душу историй о моей... мм... болезни. Надеюсь, время для этого будет. А ведь они еще и приврут смеха ради!

Мы шли по улице, проезжая часть которой была сделана из «вечного асфальта». Сейчас им уже давно не пользуются из-за чересчур огромной стойкости к внешним факторам, а вот раньше! Мода на «Загальское чудо» была фантастическая: ведь производители (раса людей-карликов из системы Загаль) давали гарантию ни много ни мало на пять тысяч лет! Это уже как-то потом выяснилось, что обратное превращение асфальта в пушистую стружку специальным и опасным облучением обходится в миллион раз дороже, чем его производство и укладка. А ведь транспортные артерии меняются довольно-таки часто. Асфальт, правда, легко разрушался в открытом космосе, но от этого было не легче. Я вспомнил, как «убирали» подобные улицы при необходимости. Двух-, а то и четырехкилометровые участки отрезали друг от друга, поднимали гигантскими дирижаблями и топили в отведенных для этого самых глубоких участках океанов. И там загальский асфальт будет мокнуть еще не одно тысячелетие (если не один десяток).

А здесь подобная стойкость не была излишней. Видно было, что вся жизнь местных обитателей вращается возле подобных «стержней», прочнейших и неизменных. И если бы не проносящиеся изредка огромные грузовики, то, вероятно, даже всю проезжую часть давно бы заставили жилищными модулями (кто же хочет жить в зданиях, готовых в любой момент рухнуть?), коробками, домиками и различными торговыми и прочими точками.

Гарольд иногда здоровался с кем-то, а я косил глазами, припадая на обе ноги, и давал себя тащить за руку. Армата сразу же ушел вперед, и я его уже не видел. Ну а нам, видимо, не приличествовала излишняя поспешность.

– Ты чего идешь, как гусь лапчатый?! – зашипел Гарольд обернувшись. – Иди просто ссутулившись и помыкивай негромко под нос! Ты же так раньше не ходил!

– М-мордашка м-милая м-моя! – замычал я в ответ, распрямляя ноги и горбясь. – Тебе не угодишь!

Мы свернули на заброшенную улочку, ведущую к громадине полуобвалившегося завода. Здесь уже никто не жил, по крайней мере на виду. Кому же была охота окончить свое существование под обломками. А если кто и жил внутри, то у них наверняка имелись более опасные угрозы для бранных тел, чем падающие глыбы с арматурой. Как мы, например. Интересно, сколько мы прожили в этом подвале? И все это время я ел эту ядовитую кашу? Ужас какой!

Дойдя до угла, стали аккуратно из-за него выглядывать. Машина у них действительно была внушительная. А если она и вправду летала?! Только бы захватить ее, не повредив! В противоположном конце улицы послышались резкие выкрики продавца водой. Этого свидетеля нам только не хватало! А тут еще, обгоняя нас, торопливой походкой просеменил какой-то местный в длинном халате, островерхой шляпе и с огромной корзиной за плечами. Корзину он нес с помощью ремня, надетого на лоб. И только по острому, мелькнувшему в профиль носу я с облегчением узнал его – Армата! Он уже почти поравнялся с машиной, когда на противоположном тротуаре показался бегущий к «большой» дороге разносчик, скорее по привычке продолжающий расхваливать холодные напитки.

– Эй! – крикнул Армата, призывно махнув рукой.

Разносчик – теперь я уже прекрасно рассмотрел Роберта – подбежал, поставил заплечный бак с бутылками и баночками рядом и, обмахивая шляпой разгоряченное лицо, стал ждать, пока заказчик не даст деньги. А тот всем своим видом напоминал прижимистого, скупого крестьянина, который если и расстаётся с деньгами, то чуть ли не целуя каждую монетку. Медленно достал завязанный в узел платок, медленно отсчитал нужную сумму. Одну монетку даже поднял вверх, как бы просвечивая ее в луче заходящего солнца – не фальшивая ли. Разносчика это нервировало, видно было, что он торопится. Он то нахлобучивал свою шляпу на голову, то снова срывал и начинал яростно обмахиваться ею, как веером. По нашим кодовым сигналам это означало: машина не просматривается внутри, непрозрачные стекла. А это было чревато при применении парализатора. Стекло могло быть с отражающим слоем, а если и нет, то могло ощутимо снизить поражающий эффект при стрельбе.

И тут в здании глухо зацокали разрывные пули. Дверь машины неожиданно открылась, из нее выскочил юнец очень внушительного вида и, презрительно

гаркнув:

– Пошли вон отсюда, крысы! – сделал шаг вверх по полуразрушенным ступенькам.

Это был последний шаг в его жизни: Армата раскрыл его глупый череп увесистым трофейным кинжалом. А секундой раньше Роберт задействовал парализатор, направив его в проем, оставленный еще не закрывшейся дверцей. Машина резко дернулась, потом клюнула носом, судорожно проехала метров десять задним ходом, забрала вправо и с ускорением грохнулась в одиноко стоящую стену. И вроде как замерла. Зато стала раскачиваться стена, зашатавшись как живая. Мы обмерли, наблюдая, куда она рухнет. И она обвалилась – к счастью, в противоположную от машины сторону.

Под этот шум из темнеющего проема, бывшего некогда парадным входом, прямо-таки выкатился последний из моусовцев. Он действительно был опытным бойцом. С одного взгляда оценил обстановку и стал стрелять по Армате и Роберту. Тех спасла только сноровка да чудом уцелевшая до сих пор высокая тумба, стоявшая у подножия лестницы. Они рухнули за нее как подкошенные. А моусовец продолжал стрелять из автомата, кроша в пыль кирпичную тумбу, одновременно отбегая в моем направлении. И при этом левой рукой он умудрялся стрелять из пистолета в портал, откуда только что выскочил. Было очевидно, что его кто-то преследовал, он даже имел явное ранение в ногу и заметно ее тянул. Иногда, оборачиваясь, он приближался к нашей засаде. Я уже мысленно представлял, как мы с Гарри его заломаем, но моусовец, словно что-то почувствовав, вдруг метнулся через улицу к большому пролому в стене. А в приближающихся сумерках у него была неплохая возможность уйти, да и крабер вроде у него имелся. Вдруг успеет кому-нибудь дать сигнал?! Мне ничего больше не оставалось делать, как выстрелить ему прямо в голову из пистолетика, позаимствованного у его уже покойного товарища. Они, наверное, сразу же и встретились на том свете, удивляясь, как быстро судьба их вновь свела вместе.

А нам было не до них, мы бросились к машине. Как она нам была нужна! Роберт уже возился с дверцей, пытаюсь ее открыть. Но надо было еще узнать о наших в здании.

– Армата! – скомандовал Гарольд. – Ищи Малыша и Николая. Давай им знать о себе голосом. Потом тащите сюда переводчика!

– Меня уже не ищи! – сказал Малыш, выходя из здания и хлопая по ладони пробегающего мимо Армату.

– Ты еще больше вырос или мне кажется? – обрадованно спросил я, протягивая обе руки для приветствия.

– Не знаю, вырос ли я, но то, что ты вроде как заново родился, меня радует и воодушевляет! – Мы обнялись. Затем он отстранился, разглядывая мое лицо, и с трагизмом в голосе добавил: – Хотя и огорчает тоже!

– Почему?

– Посуди сам: тебе стало легче ориентироваться в жизни, но вокруг сразу выстрелы, кровь, смерть... То ли дело витать в блаженном неведении относительно мерзости бытия нашего...

– И ты собираешься меня поддевать насчет моего недавнего недомогания? – Зная Малыша, я в этом не сомневался.

– Слышь, ты, Боендаль![1 - Великий философ двадцать пятого века, землянин. (Прим. авт.)] – не дал нам порадоваться встрече Гарольд. – Открой-ка лучше машину! Еще успеете наболтаться о вашем потустороннем мире! – И хихикнул, радуясь удачному намеку на общность моей болезни и способа мышления Малыша.

– Это он всегда так – обижает маленьких! – пожаловался незлобно Малыш и стал ощупывать своими длинными чуткими пальцами замок двери. – Я уже дождаться не мог, пока ты выздоровеешь. Этот хам совсем раскомандовался – каждый день мне давал внеурочные наряды.

– Он что, серьезно? – Я воззрился на Гарольда.

– Да что ты его слушаешь?! – возмутился тот. – Этот длинный шланг вообще за холодную воду братья не хочет. Где прислонится к стене, там сразу и дрыхнет. Только и ищет, где полегче.

– А почему это я должен искать, где потяжелее? – наивно спросил Малыш, весело мне подмигивая.

Планка замка под его пальцами пошла внутрь, и дверь разблокировалась. Мы осторожно ее открыли, заглядывая в салон. Водила был парализован, но не на все сто процентов. Он пытался непослушной рукой вернуть кресло, которое разложилось при ударе, в прежнее положение. Хорошо, что мы успели успокоить его раньше.

– Гарольд! – обратился я к другу. – Иди обыщи того, последнего, моусовца. Ты не забыл, что у него может быть крабер? Забери у него все, что есть. Да, кстати, Малыш, это ты ему поранил ножку?

– Да! Вот таким диском. – Он вытащил из кармана круглый металлический блин, по краям которого хищно торчали изогнутые острые лепестки.

– Это я его научил! – похвастался Роберт, помогая мне связать водилу и запихнуть его в отсек за пассажирскими сиденьями.

– Да, староват только немного твой ученик! – констатировал я.

– Зато какой способный! – с умилением подчеркнул Малыш.

– Разбирайся давай быстрее с приборами, а мы уж тебя сами похвалим! – прекратил пустые разговоры Гарольд, подтаскивая тело убитого мною охотника. – Роберт, снимай амуницию с того молодого лопуха и тело оттащи куда-нибудь подальше с глаз долой. А я раздену этого. Дождемся всех наших – и будем сматываться.

Глава вторая

Плен

Машина летела в тридцати сантиметрах над поверхностью океана. Хоть «летела» – это слишком громко сказано. Она ползла! Со скоростью всего десять

километров в час. Это все, что удалось выжать из трофея, отвоеванного у моусовцев. Все-таки при ударе она получила весьма ощутимые повреждения. Если бы не это, со своими заботами пришлось бы нам распрощаться. Ибо это была не простая машина, а самый настоящий космический челнок, искусно замаскированный под авто среднего размера, которые преобладали на земных магистралях. А такая шикарная и навороченная вещь не могла принадлежать простым торговцам или пусть даже контрабандистским миссиям и представительствам. В этом нам помог удостовериться и опрошенный водитель, оказавшийся крепким орешком и не желавший вообще с нами разговаривать. Поэтому он и пострадал: антидот мы сберегли – уж больно он дефицитная вещь, а вдруг как придется хорошего человека от домутила спасти. Водила нам выболтал все, что знал. К сожалению, очень мало. Явно недостаточно для выяснения повышенного интереса к моей персоне. Нас озадачило, что кто-то начал меня искать. Неизвестно, везде ли, но на Земле – несомненно. Нерадостное известие. Намного лучше находиться в списках отживших свое или хотя бы в числе якобы пропавших. Как, например, считает принцесса.

Принцесса! При воспоминании о ней у меня болезненно заняло сердце. Неужели она причастна к моему теперешнему положению? Ладно! Я в этом обязательно разберусь! Чего бы это ни стоило!

Но сейчас были другие проблемы. Со слов водилы, искали конкретно меня. Под большим, правда, секретом. И именно в неменяемом состоянии. Значит, моусовцы, как никто более, знают о том, что случилось со мной. Да и убийства во дворце полтора года назад – явно их рук дело. Это еще чудо, что я вернул себе память и здравый рассудок. По словам ребят, они уже и не надеялись на мое излечение. И прибыли мы на Землю только с одной целью – за лекарством. Его нужно было делать каждые пять дней из местных трав и растений и употреблять свежим. Если об этом противояднии знает Моус, то тогда его люди моментально спохватятся, что пропала целая миссия, и быстренько сумеют сложить два и два. Хоть мы и постарались запрятать хорошенько трупы и сделать вид, что случилось тривиальное ограбление, но... Мы ведь не знаем, какими силами они располагают на Земле. Захваченному моусовцу было известно о двенадцати миссиях! Это уже много. А о скольких он не знал? Не знал он также ничего о связях с местными правительствами и царьками. А о том, что эти связи были, говорило и наличие подобного суперавто, да и крабера тоже. Последний был с персональным кодом, и мы боялись без оборудования влезть в систему связи. Пока радовало, что и на крабер никто не пытался дозвониться. Значит, времени у нас еще достаточно. Надо было только успеть добраться до космопорта и как можно быстрее смыться с Земли. Как это банально: всю жизнь

мечтал здесь побывать, а стоило оказаться – сразу приходится подаваться в бега.

Цой Тан нам действительно пригодился. Он был неумолкаемым источником информации обо всем нас окружающем и необходимом. Поэтому мы и направлялись не к коммерческому космопорту, через который сюда прибыли, а к иному, военному. Но когда переводчик узнал о выбранном нами маршруте, схватился за голову и стал яростно спорить:

– Напрямую идти к другому острову нельзя! Где-то на нашем пути находится остров Хаос, а на нем обосновалась целая клика самых отпетых негодяев, занимающихся контрабандой, пиратством и, самое страшное, работорговлей!

– Ну ты загнул! – не выдержал Николая. – Да если бы об этом узнали даже местные правительства, то сразу бы разогнали любую шайку подобных отщепенцев! Ведь именно работорговля карается строже всего по кодексу Союза Разума.

– Здесь не придерживаются никаких кодексов! – с горечью возразил Цой. – Мне кажется, что японское правительство их даже поддерживает и пользуется их услугами.

– А что ты скажешь на это? – вмешался Малыш, высветив на экране авто подробнейшую карту. – Где ты видишь хоть малейший островок? Ни новых, ни старых.

– Так ведь ему только лет тридцать. И о нем никогда и нигде не упоминается в официальных источниках. И то если хотят предупредить своих людей: мол, ни в коем случае не суйся в данный район, а то пропадешь.

– А ты сам-то там бывал? Что за остров такой, что его нет на карте даже у таких людей, как моусовцы? С их-то машиной и крабером?

– Я – не был. Почему нет его на карте – не знаю. Но по разговорам нашего шефа покойного с его братом я понял, что остров вырос в результате массового сброса в одном месте океана огромного количества улиц из загальского асфальта. То ли по ошибке, то ли преднамеренно целые куски автомагистралей почти со всего Токио и нескольких мегаполисов сбросили не в океанскую впадину, а на глубину

всего-то два километра. Когда отрезки стали торчать из воды, решили, что так еще и лучше. Пилоты дирижаблей даже веселились, подстраивая «новый Эверест» все выше и выше. Эвереста не получилось, так как в правительстве все-таки спохватились и наложили запрет на подобное нарушение. Но остров достиг более чем трех километров в высоту, и за ним закрепилось название более короткое. Потом какие-то ловкачи спаяли улицы острова в местах соприкосновения свежим асфальтом и устроили там жуткую крепость. Ее почти невозможно разрушить.

– Ладно! – решил я прекратить спор. – Все равно пойдем напрямик. С имеющимся у нас на борту оружием нам и три острова не страшны. – Цой Тан на мои слова пожал плечами, как бы говоря: «Я вас предупредил, но решать вам!» – Ты лучше еще раз обрисуй, как там в Токио. Ты ведь оттуда родом.

После его обстоятельного рассказа мы еще больше убедились, что надо прорываться через военный космопорт Токио. Гарольд перечислил перипетии нашего прорыва из коммерческого, сам удивляясь нашему везению. Невероятные проверки и отлаженная служба безопасности. А солдафонов мы знали лучше – там нас не остановишь. Да еще с такой группой! Не знал только, брать нам с собой Цой Тана или нет. Ведь совсем чужой человек. Поди узнай, что у него на уме. Наш автомобиль все так же неспешно продолжал двигаться над спокойной поверхностью океана.

– Ты всегда такой болтливый? – не выдержал Малыш, обращаясь к тараторящему без остановки переводчику.

– Да нет! – Тот грустно вздохнул. – Просто я никогда не был в этом вашем... шарике и чуть не двинулся мозгами, когда меня им накрыли.

– Не дрейфь, парнишка! – хлопнул его по плечу Роберт. – Не так все страшно, как тебе кажется! – Но, поймав мой строгий взгляд, добавил: – Не почувствовав подобного, ты бы никогда не стал настоящим мужчиной.

– Зато когда побываешь, начинаешь сомневаться, а стоит ли становиться настоящим, – возразил Цой Тан.

– Но ты ведь хочешь побывать в других мирах? – спросил я.

– Еще как хочу! – оживился он. – Если возьмете меня с собой – не пожалеете! – Оглядев наши лица, выражавшие явное сомнение, он быстро заговорил, пытаясь придать своему голосу как можно больше уверенности: – Я ведь знаю девять языков, изучил по истории все, что было возможно в моих условиях, хорошо разбираюсь в звездной навигации, смогу назвать любое растение почти во всех мирах и умею умножать в уме семизначные числа. Ну... и меньшие тоже.

– Для этого достаточно калькулятора! – хмыкнул Армата. Но меня сильно заинтересовали его познания в ботанике.

– Чем отличается ядовитая травка крук от эвкина медового?

Ответа на мой вопрос я и сам одно время не знал, но он был тогда для меня жизненно важен. Мне стало интересно, как выкрутится Цой Тан. Но тот меня просто несказанно удивил, ответив после недолгого раздумья:

– У эвкина медового в месте схождения корней имеется шарообразное утолщение, а в остальном они идентичны.

– Да ты, вижу, знаток! – Я даже зацокал языком, выражая свое восхищение. – Где же ты так изучил многочисленнейших представителей флоры?

– Мой отец был профессором Всегалактического ботанического факультета при Токийском университете. Все мое детство и юность прошли между плакатами, фото, голографиями и описаниями того, что растет, пахнет, цветет, стелется, вьется и даже летает или плавает в каких угодно средах обитания.

– Ну надо же! Потрясен! – А ведь меня непросто было удивить. – И где сейчас твой отец?

– Не знаю... – Взгляд Цой Тана мгновенно потух. – Он пропал без вести в последней своей экспедиции. Через полгода университет полностью разгромили толпы взбешенных самураев, и я в шестнадцать лет оказался на улице. А мать погибла, когда мне было два года.

– Сколько же тебе лет сейчас? – Я решил до конца выяснить его биографию.

– Тридцать два.

После этих его слов мы все дружно присвистнули.

– Да ты сохранился как бонбули в собственном соку! – высказал всеобщее мнение Гарольд. – На вид тебе не больше двадцати двух лет!

– Ну, есть у меня кое-какие секреты в питании, – не без гордости стал рассказывать Цой Тан. – Я хоть и не вегетарианец, зато знаю очень много полезных и питательных растений...

– А мунковский дурман где растет? – не выдержал Малыш.

Ответ последовал тут же:

– В глубоководных пещерах на Аиде, восьмой планете системы Сакис.

– Вот дьявол! – в сердцах воскликнул Малыш. – Ведь мы там были, и совсем рядом! Как тщательно скрывается любая информация об этом! Мне, честно говоря, даже не верится, что ты говоришь правду.

– Доказать что-либо мне сейчас трудно... Да и не был я там лично... Но... – Переводчик смотрел искренне и бесхитростно. – Поверь мне на слово, эти сведения я получил от своего отца, а он мне не лгал ни разу в жизни.

– Зачем это тебе нужен был мунковский дурман? – с подозрением спросил я. – И когда?

– Да не так давно... – вмешался Гарольд. – И нужен он был, – быстро взглянул на японца, давая понять, что не хочет вдаваться в излишние подробности, – для твоего блага. Не конкретно, конечно, а косвенно. Или ты подумал, что Малыш имеет подобный грешок? – И засмеялся. – Он и без дурмана в хорошей форме!

Малыш с сарказмом взглянул на веселящегося гиганта:

– Мне все не верится, что так повезло! Постоянно общаться с таким умнейшим человеком! С таким тонким чувством юмора! Ну прямо-таки тончайшим!

Гарри сделал грозное лицо и зарычал по-солдафонски:

- Ты что?! Давно картошку не чистил?!

- Да уж! - Малыш радостно закивал, снова отворачиваясь от штурвала. - Так соскучился, так соскучился! Ты уж, голубчик, уважь - не забудь обо мне... - И под общий смех добавил: - Если, конечно, у тебя картошка уродится!

Армата, сидевший по правому борту сзади, вдруг сообщил:

- Кто-то очень спешит нас увидеть! С моей стороны нам наперерез что-то быстро приближается.

Мы уже все увидели несущийся по воде катер довольно-таки внушительных размеров. Он держал курс прямо на нас. Малыш сделал резкую остановку и сдал назад. Сразу же стало очевидно, что и катер подправил курс на наше смещение.

- На этом корыте не пошустришь! - с досадой воскликнул наш рулевой.

- Но и с нами сильно не пошутишь! - Гарольд удобнее расположился на среднем сиденье. - Можем ведь и коготки показать, а на крайний случай нырнем.

- И будем на водомете ползти в три раза медленнее!

- Зато увереннее! Если они не знают, что это за авто, то, может, вообще не обратят на нас внимания. Может, они сами туристы? - сделал предположение Гарри.

- Туристы на таран не идут... - пробормотал Малыш. - Повернись-ка я к ним кормой. Если протаранят, меньше пострадаем.

Я одобрительно похлопал его по спине, и наше судно совершило маневр, повернув влево. Но катер и не собирался никого таранить. Не дойдя до нас с десятков метров, он резко свернул в сторону, обошел судно, снизил скорость и пристроился кормой у нас перед капотом. От поднятых при этом волн, которые достали до нашего днища, нас порядочно качнуло. Но не это было опасно.

Теперь было видно, что на впереди идущем судне находилось не менее десятка самых отпетых головорезов. Они размахивали оружием различного калибра и свойства и всем своим видом давали нам команду: «Немедленно остановиться!» Малыш с вопросительным видом повернулся ко мне.

– Пробей дырочку в их консервной баночке, – великодушно разрешил я. – Пусть парни искупаются – гляди, какие горячие!

На нашей машине отошла в сторону небольшая пластина, из-за передней облицовки показались темнеющие стволы различного вспомогательного оборудования. Как ни были возбуждены нападавшие, кое-кто из них это заметил. Расстояние-то было метров пять! И стали показывать своим товарищам. Но Малыш уже нажал на клавишу пуска. Крепчайший стержень из спецсплавов, как нож в масло, вонзился под уклоном в корму катера. Через мгновение он вылетел через переднюю часть днища, ниже ватерлинии. На его пути, внутри катера, все было искорежено и пробито. Мотор сразу захлебнулся и замолк, катер осел глубже в воду, хоть и продолжал двигаться по инерции, а из рулевой рубки повалил дым.

Наш автомобиль обошел их судно по плавной дуге справа и пошел прежним курсом. Пираты оказались настоящими морскими волками. Они не стали тратить время на месть, которая могла оказаться бесполезной, а сразу кинулись спасаться. Суетливо, но без особой паники сбросили привязанные к бортовым леерам спасательные клотики в воду. Пока те наполнялись сжатым воздухом, деловито попрыгали за борт, не забыв надуть спасательные жилеты. И тут же стали отгребать от тонущего катера подальше. Только один из них (может, это был владелец?) выскочил на рубку и, судя по его губам, бешено ругаясь, выпустил по нам всю обойму из огромного и несуразного пистолета чуть ли не докосмической эры. Не знаем, сумел ли он спастись от образовавшегося водоворота, но его пули нам никакого вреда не причинили. Да и машине, пожалуй, тоже. Но меня этот момент чем-то озадачил. Я не мог понять, чем именно, но что-то он мне напоминал. Я все еще пытался осмыслить увиденное мной через заднее стекло, как стали поступать новые доклады:

– Прямо по курсу нам навстречу два средних судна! – Малыш.

– Справа какой-то большой корабль! – Армата.

– И сзади, шавой-то дымит за нами на всех парах! – добавил Николая.

– Влево! – командовал я. – Будем идти над водой, сколько удастся. – Потом пристальнее всмотрелся в горизонт. – Тем более что я уже вижу землю.

Все прикипели взглядом в том же направлении и стали высказываться:

– Вроде как очень далеко!

– Да нет, это вершина какого-то вулкана!

– И огромного!

– Да нет здесь ничего! – присматривался к карте Малыш.

– Как – нет, если мы видим?!

– Остров Хаос! – объявил вдруг Цой Тан. – Он и далеко, и огромный, и он есть. Хоть вы мне и не верили. Как я говорил, он в высоту более трех километров.

– Дымовой имитатор сработает? – Мне пришло в голову, как лучше уйти под воду.

– Должен! – ответил Гарольд. – Давай включай!

– Момент! Вот так... ага... сейчас, сейчас... О! Повалил дымочек! – обрадовался Малыш. – А теперь ныряем?

– Нет. Сбавь ход, плавно. И вообще замри! А теперь ныряй, завалившись набок.

– Попробуем! – все понял наш шофер и стал возиться с клавиатурой и рычагами управления. Потом пошутил: – Только дышите через раз, обогатитель у нас слабенький, на всех кислорода не хватит. Особенно если большие легкие! – Это он намекал на Гарольда, который был самый широкий в плечах, а грудь его мощно вздымалась от волнения. Если он чего и боялся в жизни, так это нырять под воду. Как угодно и на чем угодно. Но сейчас, хоть и нервничал, старался

шутить:

- И особенно если на длинной шее особо болтливая голова!

Остальные все помалкивали и ждали погружения. Еще в самом начале нашего пути по морю мы погружались, пробуя подводную скорость. Надеялись, что она больше, чем на воздушной подушке. Но быстро вынырнули – скорость вообще была мизерная. Действовал только водомет экономхода, главный турбулятор не функционировал. И мы к тому же в спешке не проверили глубину погружения. А теперь придется! Не идти же под самой поверхностью!

У Малыша все получилось даже удачнее, чем он собирался сделать. Мы вообще ушли под воду кормой с задраным вверх носом. Я думаю, это прекрасно было видно со сходящихся к нам кораблей пиратской (скорее всего) флотилии. И даже вздохнул, успокаиваясь.

- Теперь на самую большую глубину! И в противоположную от островка сторону. Слишком уж он негостеприимно выглядит.

- Я же вас предупреждал! – осторожно вставил Цой.

- Пока ничего страшного не произошло, – пробормотал Гарольд, напряженно всматриваясь в стрелку глубиномера. – Малыш, может, достаточно уже? И так ничего не видно за стеклами от темноты. А вдруг во что-то врежемся?

- Рыбы нам не страшны! – беспечно отозвался Малыш и хотел что-то добавить, но его перебил Армата:

- На меня капает вода! Верхний край двери негерметичен!

- Поднимись метров на пять, – посоветовал я, – но с курса не сходи. Отойдем на десяток километров и осмотримся. Да и к вечеру дело, скоро вообще стемнеет. Вряд ли пираты просчитают нашу возможность всплыть снова. И у нас нет времени с ними сражаться. Обойдем лучше по большой дуге, да и дело с концом.

Не успел я договорить последние слова, как наш автомобиль налетел на что-то мягкое, но непреодолимое. Весь корпус вздрогнул, а мотор надрывно загудел

вхолостую.

- Врезались-таки! - воскликнул Гарольд.

Малыш полностью выключил освещение салона и прильнул к лобовому стеклу. Через несколько мгновений он шумно выдохнул и выдал непристойную руладу вульгарных междометий. А наше транспортное средство дернулось резко назад и стало явно подниматься.

- Куда это мы влипли? - бросил я в окружающую темноту.

- В обычные сети! - ответил голос Малыша. - А может, и в необычные! Мне даже кажется, они отблескивают металлом. И глупо-то как попались! Ведь можно догадаться, что у них акустики есть, да и эхолотаторы не такой уж дефицит в этой заброшенной дыре.

- А что же надо было делать? - раздался голос Арматы.

- Падать на дно и лежать там, как камень! - пояснил наш водитель.

По мере подъема становилось все светлей и светлей. И мы уже отчетливо рассмотрели опутывающую наш трофейный автомобиль прочную металлизированную сеть. Судьба у трофея была явная: переходить из рук в руки.

Пока нас поднимали, мы принялись лихорадочно искать выход из сложившейся ситуации. Фактически выхода-то и не было. Подъем проходил в очень неудобном положении, кормой кверху, применить наше вооружение было почти невозможно. Поэтому встала реальная угроза пленения, если чего не хуже. Спешно придумывались нами разные варианты причины путешествия по этим водам. Да и себя надо было кем-то представить. Самым слабым звеном был Цой Тан. Хотя здешним пиратам, возможно, и наплевать на шайку умерщвленных нами головорезов самураев, наш переводчик мог выторговать для себя лучшие условия за счет знания о миссии пиклийцев. И в какую-то секунду Гарольд моргнул мне в сторону японца и стал разворачиваться для нанесения смертельного удара. Все внутри меня противилось этому, но я никак не мог придумать причину отмены жесткого действия. Спас себя сам Цой, сделав предложение:

– Давайте скажем, что мы плыли на Хаос! Мол, захотелось настоящего дела среди настоящих парней и среди настоящих просторов. Я слышал, что некоторые бравые бойцы уходят от своих атаманов и главарей и рвутся сюда. А здесь их неплохо принимают, дают шанс отличиться. И авто мы специально для этого дела умыкнули. Да и наш курс это подтвердит.

Мы переглянулись и немного задумались. Лишь Малыш продолжал с невероятной скоростью работать с клавишами управления и программирования. Когда я заметил это, мне пришли в голову некоторые сомнения:

– В нашем случае вообще лучше оказаться без этой машины. Уж слишком она наворочена для простых похитителей. Или даже обычных искателей приключений.

В ту же секунду наш водила отозвался, ни на мгновение не прерывая своих сосредоточенных действий:

– Спокойно, шеф! Я вполне успею запрограммировать этот кладезь новейшей техники на самоутопление. Через полчаса она взлетит и рухнет в воду. Ее даже никто не успеет разблокировать. Я ввожу просто невероятный код доступа. А за полчаса мы вполне можем осмотреться наверху...

– Слушай! А нельзя потом как-то поднять ее наверх с помощью сигнала или некой команды?

– Можно... но вряд ли я успею...

Малыш висел лицом вниз и удерживался лишь ремнями безопасности. Я же сидел на спинке его кресла, словно на его спине, и разглядывал панель приборов в просвет между своими коленями. Остальные находились в не менее живописных позах.

– И от оружия нашего нам бы избавиться! – дал Цой Тан еще один дельный совет. – Все равно ведь обыщут...

– Складывайте все в сейф! – скомандовал я.

Хоть мне и не хотелось это делать, но мы спешно затолкали наш арсенал за спинку последнего сиденья, где находился управляемый с панели сейф. Туда же затолкали крабер и домутил с антидотом – редчайшие вещи в этой части Галактики. Малыш тут же несколькими взмахами над клавиатурой его закрыл, и, если не считать нескольких ножей, мы остались совсем безоружными. В это же время солнечные лучи пробились к нам сквозь последние метры воды, а еще через минуту мы полностью вынырнули на поверхность и, раскачиваясь в огромном трале, стали приближаться к самому большому из пяти кораблей, стоящих полукругом.

– Значит, так! – Я щелкнул ногтем большого пальца себя по зубам. – Мы все сошлись месяц назад! Где-то крали, где-то требовали, но потянуло на большие дела. Решили податься сюда. Авто увели случайно, у троих бродяг типа нас. Оно в нерабочем состоянии, слушается только ручного управления. Не предпринимать ничего суперактивного без согласования со мной. Если нас разделят, действовать по обстановке, на свое усмотрение. Цой Тан! – Я обратился к переводчику. – Ты теперь в нашей команде! Это не самый подходящий момент для поздравлений, но хочу отметить, что мы переживаем не лучшие времена. Могу лишь пообещать, что, когда выберемся из всей этой передраги, ты станешь настолько состоятельным, что сможешь заниматься, чем тебе заблагорассудится. Хоть флорой, хоть фауной, хоть поиском своего отца.

При моих последних словах японец покраснел от волнения:

– Я даже не знаю, где его искать...

– Поверь мне: тебе будут предоставлены невероятные возможности. Но! И нагрузка на тебя предстоит немалая. Ты должен будешь досконально изучить местные структуры острова, если таковые тут имеются, влиться в них и давать нам полную информацию. Ведь тебе, как местному, это будет намного проще. И со временем мы все обязательно выберемся отсюда.

– Не волнуйтесь... шеф! Я не подведу!

Голос Цоя был тверд и решителен. Мне бы его уверенность! Особенно в его же отношении. Но рискнуть стоило. В худшем случае – он знал о моусовцах и о моем розыске; если за нами следили по морю от самого берега, то врагам и так это известно. Значит, на нас напали совсем по другим причинам. А в лучшем случае

– наш переводчик действительно может оказать нам неоценимые услуги.

Тем временем трал стал опускаться на палубу, и мы коснулись днищем нашего челнока твердого пластикового покрытия. В последнюю секунду я все-таки решил оставаться невменяемым. Гарри даже поклялся, что у меня получается прикидываться дебилом гораздо лучше, чем командовать. А Малыш просто умолял нас как можно дольше тянуть время. Для большей мороки он заблокировал все двери, кроме задней правой, и наш выход проходил в лучах закатного солнца, словно небольшое шоу. Для большего эффекта не хватало лишь добавить бурные аплодисменты при появлении каждого члена нашей команды да убрать самое разное, но мощное оружие из рук пиратов. Они в количестве более полусотни оцепили наше авто кольцом, располагаясь на палубных надстройках и готовясь в любую секунду открыть шквал огня. Видимо, потопление нами первого катерка они восприняли очень серьезно.

Если бы они просто ждали, то и мы бы не спешили выходить. Но из динамиков рявкнул хриплый голос, на местном языке скомандовав:

– Выйти наружу! Немедленно! Считаю до трех! – И после очень быстрого счета: – Раз, два, три! – Тут же раздалась автоматная очередь – и разрывные пули застучали по левому борту. Броня выдержала прекрасно, но все же одно из стекол покрылось трещинами. Тот же голос продолжил: – По счету «три» открываем по вам стрельбу зенитными снарядами! Раз!..

Цой Тан тут же открыл работающую дверь и замахал белым платочком. При этом он как можно истеричнее просил не стрелять. Вылезши из машины, он стал очень быстро лопотать, показывая руками то в сторону острова, то в океан и постукивая по крыше авто. Признаться, я в эти минуты здорово поволновался, ведь мы были полностью во власти так мало нам знакомого человека. Но как бы то ни было, после некоторой беседы Цой нагнул и перевел для нас:

– Они приказывают выходить по одному и подходить для таможенного досмотра.

– Именно таможенного?! – не поверил я.

– Да, именно так!

– Тяните время!!! – шепотом напомнил нам склонившийся над панелью Малыш.

Переводчик нам подмигнул и сказал:

– Ну, тогда я пойду первым!

Затем он приблизился к стоящим немного в стороне двоим типам ну совсем непривлекательной наружности. Но видимо, это были профессионалы своего дела. За минуту они так выпотрошили Цой Тана, что на нем не осталось даже трусов. И лишь затем по одной отдали ему все части одежды. Солнце тем временем наполовину ушло в воду, а одним краем спряталось за островом. Но отсутствия света не наблюдалось: со всех сторон включились мощные прожекторы. Скрупулезность при обыске играла нам на руку. Вторым из машины вылез Роберт и, ссутулившись, испуганно озираясь, приблизился к месту осмотра. У него не было ни единой металлической вещи. Хотя ремень у него тоже изъяли. После этого состоялся наш выход. Гарольд тянул меня за руку, а я прикрывался ладонью от яркого света. Цой давал тем временем пояснения о моих неполноценностях, а мнимый брат гладил меня по голове, успокаивая и наущая, как малое дитя. При этом среди пиратов раздались пренебрежительные смешки и выкрики, которые я понял и без перевода. Тем более что многие говорили на галакто. Предлагалось тут же меня бросить за борт, на корм рыбкам. Но говорилось это беззлобно, скорее от желания позубоскалить. Поэтому Гарольд не слишком зыркал на советчиков, давая себя обыскать и отобрать холодное оружие. Из моих карманов выгребли различный мусор, который, по словам «брата», служил мне вместо игрушек. Но «таможенники» не обращали на протесты никакого внимания. Они складывали найденные у нас вещи на большом куске брезента, расстеленного возле леера. Когда обыскивали Армату и Николя, хриплый голос, принадлежащий невидимому командиру, рявкнул:

– Кто еще остался в машине?!

– Наш водитель! – Гарольд поднял голову, пытаясь рассмотреть говорившего. – Это корыто с сюрпризами: как только убираешь руки с приборов управления, включается какой-то газ. Глаза слезятся вовсю! – Затем закричал в сторону авто: – Кидай эту рухлядь и выскакивай! Если брызнет в глаза, здесь промоешь!

Наша уловка явно действовала. Даже несколько пиратов, подошедших ближе, тут же отошли на пяток шагов назад. Они опасливо поглядывали на открытую дверь, и кое-кто даже вздрогнул, когда Малыш выпал из салона и на

четвереньках стал отползать от машины. Лишь после этого откуда-то вынырнул подвижный молодой парень, деловито напялил на себя противогаз и заглянул внутрь опустевшей машины. Показав остальным, что все чисто, он подозвал невысокого толстяка, заставил надеть такой же противогаз, и они вдвоем юркнули в машину. Малыш уже стоял голый и с возмущением разглагольствовал:

– Ребята! Да что ж это такое! У меня всего-то два диска, а вы и те забираете! Нечестно как-то! У вас вон сколько пушек, а боитесь оставить у меня пару железок. Или не доверяете таким же, как вы?

– Во-первых, ты далеко не такой, как мы! – заговорил наконец-то один из «таможенников». А во-вторых, наш капитан никому не доверяет! – И он кивнул в сторону самой высокой надстройки.

Мои товарищи проследили за его взглядом и с восхищением замычали. А Малыш даже застеснялся и спешно прикрылся одной из проверенных уже частей одежды. Мне вроде как не подобало следовать их примеру, ведь дебилу все равно, о чем идет речь. Но тоже не удержался и мельком взглянул сквозь пальцы вверх.

Атаманша у пиратов действительно являла собой просто чудо. Она была одета в нечто напоминающее кожаные доспехи. И эти доспехи просто идеально подчеркивали ее компактную фигурку. Лицо не особо выделялось красотой, к тому же от края левого глаза до самого подбородка тянулся длинный шрам, но в остальном выглядела как богиня. Волосы были уложены в кокон, а в ушах красовались две огромные серьги с драгоценными камнями. На специальном поясе висели несколько ножей, небольшой парализатор и мечта каждого воина космоса – игломет. Завершали вооружение два меча, рукоятки которых торчали из-за спины.

То, что она действительно никому не доверяла, открылось сразу. Ибо к краю мостика, на всеобщее наше обозрение, она шагнула лишь только после того, как нас проверили до последней нитки. Она внимательно обвела каждого из нас взглядом, презрительно ухмыльнулась, скользнув по длинной фигуре Малыша, поспешно натягивающего брюки, и собралась говорить. Тут же некий услужливый помощник подставил ей под губки микрофон на длинном держателе. Поэтому мы слышали каждую интонацию в голосе капитана.

– Море дает нам жизнь и приучает к изменчивости, – говорила она на приличном галакто, как бы рассуждая сама с собой. – Изменчивости в судьбе, да и во всем остальном. Вроде бы совсем недавно вы были свободны, вооружены и самоуверенны. Но океан забрал у вас все. И почему? – Голос стал усиливаться и наливаясь злобой. – Да потому, что вы лишили старого и доброго Фредо его судна! И никто не даст ему шанса выжить в этом жестоком мире. Его brave парни остались без работы и приличного места! И им придется участвовать в турнирах, кровью выбивая себе место под солнцем! И все это потому, что какие-то жалкие сухопутные воришки нажали не на ту кнопку! В пограничных водах чужого государства!!! Во все времена за это уничтожали на месте! Всех! Как бешеных собак!!!

Подобные выступления были ей явно не в тягость. Капитан двумя руками схватилась за леер, нависла в нашу сторону и чуть ли уже не убивала взглядом. Видимо, она считала себя великой актрисой или кем-то наподобие. Ее подчиненные взирали на нее горящими глазами и ловили каждый жест. Другое мнение складывалось у нас. Гарольд даже пробормотал, так чтобы я услышал:

– По-моему, у этой истерички было тяжелое детство.

А я воскликнул, правда мысленно, в ответ: тем не менее она здесь командует! Тем временем очаровательный женский голос, усиленный электричеством, доходил до каждого. И вещал совсем неприятные вещи:

– Экономические критерии нашей жизни не позволяют мне принять правильное решение. Приходится всегда помнить о средствах на топливо, покупать новые боеприпасы, пополнять свой госпиталь современным медицинским оборудованием. Очень неразумно убивать дееспособных рабов! – Мои ребята непонимающе переглянулись. – Тем более когда за рабов прилично платят. Но ведь и развлекаться иногда тоже надо! А, ребята?! – В ответ на ее вопрос пятьдесят глоток исторгли из себя одобрительный рев. – Тем более когда повезло вне очереди! – В ответ на эту непонятную для нас фразу послышался довольных смех. – Поэтому объявляю поединок!

Пираты еще более откровенно выразили свое желание поглядеть на зрелище. Но капитан смотрела только на нас и заметила наше непонимание:

– Я вижу, что новые рабы не совсем довольны своей участью?! Видимо, они совсем не знают наших правил поединков. А они гласят: всякий пострадавший может выступить в защиту своей чести и отомстить обидчику. Естественно, если он не раб! Так вот, старый Фредо имеет право сразиться с кем-нибудь из тех, кто уничтожил его судно. Или выставить любого бойца из своего экипажа. Даже троих, по очереди. Бой идет на смерть! При любом, даже тяжелом, ранении поединок аннулируется. Но хочу обрадовать наших рабов: если их представитель победит, он становится свободным и может влиться в наш экипаж или найти себе занятие на острове.

Тут же из-за спардека на ют вышли еще мокрые недобитки с потопленного нами недавно катера. Их возглавлял, по-видимому, сам Фредо, который стрелял по нам напоследок из пистолета. Выплыл-таки, старый унитаз! И опять-таки при виде его гневного лица что-то всколыхнулось в моей памяти. До ломоты в затылке я пытался вспомнить, с чем это связано, но так и не мог. Может, просто ассоциативный процесс?

Старик со злобой осмотрел нас и вопросительно поднял глаза вверх. Капитан обвела своих пиратов взглядом:

– Кто пойдет на бой со стороны рабов?

Тут же со всех сторон посыпались предложения. Нашлось немало желающих и меня увидеть в поединке. Особенно надрывался худощавый самурай с огромным выпирающим кадыком. Услышав это, капитан стала размышлять вслух:

– Нет, дебил не подходит! Его затопчет даже ребенок. Его трудно продать? Ну это как сказать! Есть очень много любителей экзотики... – Видя, как Гарольд решительно вышел в центр круга, она засмеялась: – А ты, толстячок, куда отправился? Здесь выбираю я! А за тебя порядочно могут заплатить! – После дружного гоготания продолжила: – Длинного выставить? Так он тоже денег стоит! А пусть идет тот пацан! Да, ты! – Она указала рукой на сжавшегося Роберта. – Глядишь, перед смертью чудеса и покажет! Вдруг свободным станет?! Жить-то небось тоже хочет! Да и кто его купит такого!..

Больше всего недовольства выказал Фредо. Он яростно сплюнул и забормотал какие-то ругательства. Но не совсем громко – то ли боялся кого, то ли уважал правила. Затем безнадежно махнул рукой и вторым жестом дал своим бойцам

право выбора. Те чуть поспорили негромко, и в центр круга отправился угловатый качок среднего роста. Он явно решил вдобавок еще что-нибудь выиграть, так как всем показывал один указательный палец. Явно намереваясь уложить нашего парня за одну минуту. Народ вокруг подобрался заводной – ставки посыпались наперебой. За Роберта мы совсем не волновались, ему и подсказывать-то ничего не надо было. Даже при том, что оружие выбирал пират, вызвавший на бой. Трудность заключалась в том, чтобы не показать всей силы до третьего поединка. А то мог вмешаться самый-самый. Хотя вряд ли такой найдется в команде Фредо! Нам, конечно, совсем не улыбалось стать рабами и быть проданными с торгов. Но если хоть один из нас сохранит свободу передвижения, будет совсем неплохо.

Напоследок всех повеселил Малыш. Он стал требовать, чтобы и у него приняли ставку на победу его маленького друга. Но его единогласно высмеяли, добавив, что рабы должны почитать за счастье самую возможность просто понаблюдать за поединком.

После этого Роберт скромно, бочком стал приближаться к противнику. Тот с высокомерием даже отступил на несколько шагов, оставляя центр круга свободным. Наш Молния приблизился, и все замерли, ожидая сигнала. Тут Гарольд решил подыграть и стал подбадривать его криками: «Роки! Роки!» Ребята тут же к нему присоединились, пытаясь заодно утвердить новое имя нашего товарища. Мы об этом тоже успели договориться, даже комплект заготовок имелся. Роберт прекрасно все понял и стал разыгрывать из себя берсерка. То есть шлепать себя по щекам, колотить по груди. И даже делать попытки вырвать у себя пару клочков волос. Мол, слабый, но злой, как тигр. Соперника это несколько не напугало. Он лишь пригнулся, сгруппировавшись для атаки и ожидая лишь сигнала от капитана. И после женского выкрика «вперед» бросился не раздумывая на Роберта. Но тот тоже не стоял на месте: неожиданно метнулся вперед и изо всех сил вцепился в шею противника. Со стороны это казалось верхом безрассудства и необдуманности. Да и непрофессионализма. Соперники свалились с ног и покатались по палубе. Но я-то сразу увидел сломанную шею. Два сцепившихся тела несуразно прокувыркались несколько метров. Тут же Роберт вывернулся, уселся на груди пирата и стал нелепо молотить кулаками по лицу уже мертвого соперника. Тот, естественно, не делал никаких попыток сопротивляться. Через минуту такого странного боя шум и выкрики стихли, никто ничего не понимал. По команде сверху двое амбалов оттащили слабо упирающегося победителя в сторону, а склонившийся над несчастным тип с цинизмом заядлого медика констатировал смерть представителя Фредо.

Что тут началось! Кто поставил на качка, проклинали его неуклюжесть и неповоротливость, сваливая вину за проигрыш только на него. Досталось и Фредо. Того обозвали болваном и другими нелестными характеристиками. Укоряли в неумении подобрать себе в команду достойных парней и удивлялись, что он при этом так долго умудрялся владеть судном. Тот разъярился еще больше и даже сделал попытку сам выйти на поединок. Но его остановил такой же пожилой пират, видимо старый товарищ по оружию. Неспешной походкой он вышел в центр круга и поднял над собой нож – выбрал оружие для схватки. Тут же один из окружавших нас мордovorотов вложил похожий нож в руку Роберта и подтолкнул его в сторону нового противника. Наш паренек стал крутить доставшийся ему красивый кинжал двумя руками, как бы разглядывая и любуясь. Повторно раздалась команда «Вперед!», и пожилой пират сделал шаг. Всего только один шаг! Затем качнулся и стал медленно падать вперед. В горле торчал мелькнувший почти незаметно кинжал.

Тело ударилось грудью о палубу в совершенной тишине. Лишь Роберт радостно вскрикнул, запрыгал на месте и подбежал к Гарольду за поощрительным похлопыванием по плечам. Все ребята его окружили, поздравляя с победой и выражая свое восхищение таким удачным броском. Даже я замугыкал что-то веселое и умиротворенное.

Вокруг явно недоумевали. Обстановку чуть разрядил чей-то довольный голос, сообщивший, что он выиграл, поставив на малявку. Ему в ответ понеслись подковырки, разъяснения и шутки. Многие стали винить случай, но некоторые все-таки не верили в такие совпадения и рассматривали нас со все более возрастающей подозрительностью. Еще бы! Невзрачный парнишка убил за пару минут пусть не лучших, но и не самых последних по силе соперников. Слишком уж странные победы! И почти моментальные! Поневоле задумаешься.

Мы тоже задумывались над нашими шансами. Что будет дальше? Можно ли захватить корабль? Пока с нас не спускали глаз, и даже в разгар поединков несколько стволов постоянно были направлены нам в головы. А соседние корабли? Оттуда тоже наблюдали за «коллегами-пограничниками», хотя и не всегда могли рассмотреть подробности. Капитан вновь взяла инициативу в свои руки:

– Фредо! У тебя остался один, но все-таки шанс смыть пятно позора! Хотя, если по мне, я очень жалею, что выбрала парнишку. Он, возможно, стоит тоже

немало. Из-за тебя я лишилась своих законных прибылей! Давай выбирай из своих неврастеников хоть кого-то путевого или сам попытайся вспомнить славную молодость!

Во время этого монолога я внимательно присматривал за нашей машиной. Видимо, тем двоим парням надоело копаться во внутренностях в противогазах и они решили передохнуть. А может, их тоже привлекла зрелищность и непредсказуемость поединков. Ибо они вышли на палубу, освободили лица и даже закурили по сигарете. Это их, возможно, и спасло. Фредо поднял руку вверх и собрался что-то ответить, и в тот же момент автомобиль издал громкий рев сиреной, приподнялся над палубой сантиметров на двадцать, захлопнул единственную функционирующую дверь и рванул в сторону открытого океана. Зацепившись за леер, нелепо кувырнулся в воздухе. В ответ на пируэты автомобиля раздалось несколько запоздалых автоматных очередей. Остальные пираты тоже повели стволами, намереваясь дать залп. Но летающий трофей не стал дожидаться неприятностей, а сразу же камнем бултыхнулся в воду. Все заметались по палубе, пытаясь расправить трал и опустить его в воду. Понеслись противоречивые команды от боцмана и от крановщика. На соседних кораблях вспыхнули дополнительные прожекторы. Но сразу стало понятно: вряд ли они отыщут машину.

Нас поспешно отвели в трюм, но тем не менее не забыли приковать к железной стене наручниками с длинными цепями. Лишь Роберт остался наверху. Видимо, морской закон поединков здесь соблюдался неукоснительно. Затем судно легло в дрейф, пытаясь проследить за шумом автомобиля или поймать его лучом локатора. Но и через два часа ничего не произошло.

Зато еще через час нас стали по очереди выводить на короткий допрос. На нем присутствовала лично сама капитан, но в «собеседовании» не участвовала. Да и проходило оно рутинно и нас совсем не волновало. У нас было достаточно времени для согласования наших легенд. А меня так вообще не трогали. Так что проколов у нас не было. Разве только Гарольд в чем-то просчитался. Его повели последним, и он совсем не спешил возвращаться. Вряд ли ему удалось вырваться из плена, хотя в душе мы страстно этого желали. Но полная тишина на корабле свидетельствовала о царящем наверху порядке. Никакого переполоха больше не возникало.

В нашей команде каждый способен действовать самостоятельно. А уж тем более переживать за Гарольда не было никаких причин. Что бы ни случилось, он сам

на месте прекрасно найдет выход из любого положения.

О нас забыли, а мы никак не могли решить, что делать со мной. Вроде как «дебил» должен спать. Но как без «брата»? Бесноваться должен или оставаться равнодушным? Решили ждать до обеда. Может, и Роберт нечто придумает и даст весточку со свободы. Посовещавшись шепотом в полнейшей темноте, мы завалились спать на некое подобие матрасов – там, где позволяла длина цепей от наручников. Это был мой первый сон после возвращения ко мне памяти и нормального вида. Даже сомневался, что засну, но вырубился в первую же секунду.

Проснулись мы перед самым обедом и сразу по четырем причинам: машины корабля заработали на полную мощность, включили свет, принесли еду и вернулся Гарольд. Судя по его внешнему виду, ночь прошла для него совсем не в мытарствах и тяжелых пытках. Хотя на щеке краснел след от нескольких царапин, которые он прикрывал платочком. Принюхавшись, Малыш первым высказал правильное предположение:

– А духами-то от него как несет! Да еще и дорогими! Мы тут вшей кормим немытыми телами, а он ароматизированные ванны принимает!

Один из двоих пиратов, оставшихся у двери и держащих нас под прицелом автоматов, с презрением фыркнул и пояснил:

– Вашему другану просто невероятно повезло! – Но в голосе слышалась плохо скрываемая зависть. Видимо, чтобы ее нивелировать, он со значением добавил: – Пока! Посмотрим, что он на берегу станет делать, когда его кое-кто по стенке будет размазывать!

– А я далеко не масло! – с угрозой в голосе отозвался Гарри. Он уже добрался до меня и гладил по голове, как гладят малое дитя. Я ему подыгрывал: прижимался щекой к груди и жалобно мычал телятком. – И «кое-кто» для меня просто никто!

– Ну-ну! – поощрительно отозвался третий пират, снующий возле нас с огромным мешком. Он ставил перед каждым пакет с пайком и двухлитровую пластиковую бутылку с водой. – Может, ты тоже неплохой боец и знаешь какие-то секреты боя. Тогда у тебя будет шанс. Как по мне – то я очень хочу поставить на твою победу.

Еще один пират деловито обошел каждого арестанта и проверил наручники с цепями. В конце он и Гарольда приковал возле меня, поверив в наше родство. Видимо, все пираты были в курсе происходящего, так как и он не удержался от высказывания:

– Вам, ребята, лучше бы сидеть тихо и не высовываться. Законов наших вы, я вижу, совсем не знаете. И вряд ли долго протянете. Даже чудеса не спасут. А у тебя, везунчик, еще и брат на руках больной. Раньше надо было от него избавиться и пристроить где-нибудь в монастыре или в госпитале.

– Да был он уже в одном месте! – Лицо Гарри покраснело от гнева. – Так его там санитары за футбольный мяч принимали! А я через забор подсмотрел и всем четверым ноги поломал! Да и мозги не сильно жалел, ублюдки! Когда буду уверен в хорошем к нему отношении, тогда и оставлю.

Перед уходом пираты посоветовали есть быстрее – свет будет только двадцать минут. Поэтому мы сразу накинулись на пищу. Лишь Гарольд заложил руки за спину и блаженно потянулся. По его сытому виду можно было догадаться, что к своему скудному пайку его пока совершенно не тянет. Лишь вспомнив, кого я из себя разыгрываю, он стал меня кормить и по ходу дела рассказывать о последних событиях. При этом мы все понимали, что некоторые детали выпадут из повествования из-за возможного подслушивания. Но читать между строк мы умели. И понимали друг друга даже по интонации.

– Вначале меня опрашивали только те же трое типов, что и вас. Но минут через пять зашла капитан и уселась прямо на соседний стол. Да еще в позе лотоса. Вроде даже как и не слышит нас. А я как раз стал описывать свое умение в области массажного искусства. И как я барона одного на ноги поставил, после того как остальные врачи от него отказались. Тут она и проснулась: «Толстый! Ты за кого нас принимаешь? Мануальная терапия – вещь слишком тонкая для твоих мозгов! Ври, да не завирайся!»

Хоть и захотелось мне при этих словах ее по попке отшлепать до крови, но сдерживаюсь. Говорю: «Госпожа капитан! Я, конечно, в последнее время не практикую, но могу ручаться за свой высокий профессионализм. С детства обучался, и мне прочили великое будущее. Лишь волею злого стечения обстоятельств оказался на тропе искателя приключений. Уж больно вспыльчив был да подражаться любил».

А она глаза опять закрыла и как бы в трансе говорит: «Если соврал, я тебе по пальцу на каждой руке пообрубая! – И своему адъютанту: – Лекаря ко мне!»

Того как ветром сдуло. Ну а мне чего волноваться? Сижу спокойно, отвечаю на возобновившиеся вопросы. Тут и лекарь подошел. Ну, вы его видели, он смерть после поединка подтверждал. Лишь он вошел, капитан ему и говорит: «Снимай рубаху и ложись животом на стол! Будем массаж делать!»

А тот хоть и циник, но парень с юморком. Спрашивает: «А чем? Да и здоров вроде я!»

А капитан: «Сейчас обоих и проверим! Тебя на здоровье, а его на знания. Давай, толстячок, показывай свое мастерство!»

Ох как мне хотелось ей ротик заткнуть за словечки мерзкие! Но терплю. Взяться я за спину лекаря – и давай ее мять и прощупывать. Сразу нашел два старых перелома ребер, зажившее давно декомпрессационное повреждение шейного позвонка и отложение солей. Нестрашное отложение, но в наличии. Через полчаса лекарь меня зауважал и поклялся, что лучшего массажиста он не встречал в своей жизни. Встал, оделся и тут же дал команду адъютанту вести меня за собой. Трое «следователей» лишь переглянулись и устали на капитана. А та будто заснула – не шелохнется. А при ее молчании, видимо, лекарь старше всех по званию. И повели они меня куда-то. Интересно стало до жути.

Пришли мы в их госпиталь. Скажу вам, ребята, все на высшем уровне. Словно на флагмане океанской эскадры. Чего только нет из оборудования, и все самое современное. Отпускает адъютанта мой недавний пациент и так неназойливо ко мне обращается: «А не выпить ли нам, коллега, по стаканчику неплохого коньяка?»

«С превеликим удовольствием! – отвечаю. – Даже и от двух не откажусь».

Он: «Если поможете мне в одном вопросе, то обещаю напоить вас до беспамятства!»

Кто же от такого предложения отказывается?!

Отпили мы напитка – неплохого, признаюсь сразу. Лимончиком даже закусили. Хоть и кислейший, зараза, но удовольствия прибавил. Затем ведет меня лекарь к световому стенду – и давай рентгеновские снимки раскладывать. И все подробно объяснять по ходу дела: «Есть у меня один пациент, недавно пострадал очень в бою. И так его скрутило, что криком кричит. Уже шестой день его колотит, а я никак понять не могу. Причиной недуга послужило неудачное падение на спину. Но тогда лишь заныло, и лишь потом начались осложнения. По моим предварительным прогнозам, поврежден позвоночник. Но вот где и как – не могу определить! Уже и консилиум собирался: три самые заслуженные личности приезжали с острова да с кораблей лучшие медики присутствовали, а толку никакого. Большинство так и говорит: девица может инвалидом остаться».

– Девица? И тоже на этом корабле? – Я не скрывал своего удивления. – Да мне у вас нравится! Очень демократично и толково – у всех равные права.

Тут лекарь как-то воровато оглянулся и говорит мне чуть ли не шепотом: «Ты не сильно-то губу раскатывай и деликатней с пациенткой! А то капитану голову кому срубить – раз плюнуть! Кроме того, пострадавшая ей кузиной приходится, и она за нее особенно переживает. Но это между нами. Ибо виду она не подает – что случилось, того не миновать. Она у нас как скала. А того, кто кузине здоровье повредил, она уже мертвого по кускам рубала и акулам скармливала. И очень жалела, что того еще в бою прикончили. Так что деликатнее и с тактом, если не хочешь в капусту шинкованную превратиться».

«Да ладно тебе, и так достаточно запугал, – признался я. – Давай лучше думать, чем помогать будем. Или сразу напьемся? Может, и я не потяну такого сложного случая».

«Да в том-то и дело, что у тебя есть шанс. Если ты и вправду знаток, каким мне показался. Один из врачей, ее осматривавших, советовал обратиться к такому, как ты. Мол, вы знаете, что в таких случаях делать. Так что думай, смотри, решай. Авось и удастся. И не забывай, твоя судьба в руках капитана. Постарайся ее умиловить».

Пришлось постараться. Нашел я один подозрительный позвонок на снимках, он-то, скорее всего, и защемил важный нерв. Давай, говорю, свою пациентку. Но чтоб градусов двадцать восемь в помещении было, и вода горячая, и кремы, и мне напитки для охлаждения. Оказалось, у них тут и сауна с бассейном

небольшим есть. Вот уж кораблик комфортабельный, нечего сказать. А уж когда пострадавшая появилась, то я даже занервничал. Капитан – прелесть, а та – так вообще диво дивное. Сама скромность, целомудрие и невинность. Даже не верилось, что она в схватках участвует. Но пришла-то, вернее, приползла с такими стонами да оханьями, что плакать хотелось, на нее глядя.

Уложил я ее на стол и лишь собрался начинать разогревать – капитан явилась. Уселась сзади меня на кушетку, меч положила на колени и взгляда с меня не сводит. А лекарь мне так по-товарищески подмигивает: смотри, мол, держи себя в руках. И то правда: на пациентке ведь одни тоненькие трусики, а я уже и забыл, когда женское тело видел.

При этих словах Гарольд печально закивал и в сердцах воскликнул, воздев очи к потолку:

– И надо ж было случиться такому горю с моим братом!

В ту же секунду погас свет, и ребята захихикали такому совпадению. А я в отместку за намек несильно пнул друга ногой в бок. Без света напряжение немного спало – все-таки хоть подсматривать за нами не могли. Правда, кто его знает – при современной технике все возможно. Я стал есть уже сам, а Гарольд продолжил свой рассказ:

– Целый час я ее разогревал, мял, катал и месил как тесто. Вначале она вскрикивала, потом кряхтела, потом лишь тяжело сопела с закрытыми глазами. С меня семь потов сошло, пришлось даже до пояса раздеться. Лекарь мне здорово помогал уже тем, что полотенцем меня обтирал постоянно. Килограмма три потерял, не меньше. И в конце сеанса наступил решающий момент. Поднял девчонку, приложил к себе спиной и мягко дернул за сложенные на животе руки. Меня учитель особо учил этому процессу. Если не так сделаешь, то и убить можно. Или разогрев всего тела не удался. Но все прошло хорошо. Она только вскрикнула слабо и потеряла сознание. А меч капитана уже охлаждал мою шею возле уха.

«Что ты с ней сделал?!»

«Уже все хорошо! – говорю. – Через полчаса она придет в себя и сама расскажет о своем самочувствии. Гарантий в таких делах не дают, уж больно случай

запущенный. Надо было это делать в первый же день после повреждения. Но мне кажется, она поправится».

Убрала она меч и говорит лекарю: «Жди меня в госпитале и глаз с него не спускай!»

А того долго упрашивать не надо. Только и всего – глаз не спускать?! Сели мы у него в кабинете друг против друга – да и приговорили две бутылки отличного пойла, которым он меня вначале угощал. Запрета ведь не было. Пытался я у него узнать об их житье-бытье, да не успели мы напиться как следует – через час к нам капитан заявила. И лекарю так грозно: «Ты бы только пил! Совсем тебе спиртное доверять нельзя!»

«Так ведь это в медицинских целях!» – оправдывается тот.

«В медицинских целях надо учиться спасать людей, а не напиваться как скотина за один час!»

«Да мы с коллегой совершенно трезвы!» – попытался и я вставить словечко. Тут уж и мне досталось: «Рабы должны молчать, пока их не спросят! Понял?!»

«Так точно! Виноват! Исправлюсь!» А что мне еще оставалось делать?

«Твое счастье, что сестра чувствует себя лучше. Проснулась, попила. Мы ее перенесли в каюту. Говорит, что будто под катком побывала, все соки из нее выжали. Но резкие боли прошли. Затем сразу заснула. Посмотрим до утра, будут ли положительные сдвиги».

Но нам с лекарем и так уже все стало ясно – дело идет на поправку! Мы даже хлопнули друг друга по ладоням на радостях. И он стал меня хвалить: «Я сразу увидел в этом парне талант! Он настоящий специалист! И руки у него золотые – каждую слабинку в организме чувствует! Заслужил хороший обед и отдых!»

«Обед? – капитан с сарказмом хмыкнула. – Покормить, конечно, надо! А вот отдыхать ему еще рано – пусть и мои старые ушибы полечит. Завтра продадим его по хорошей цене – когда еще к такому массажисту попаду? Давай, лекарь, тащи побольше еды в сауну. Мы тебя там подождем».

Поели мы очень существенно! А какие блюда! Видимо, и кок здесь имеет все права называться лучшим. Затем лекарь удалился вроде как за спиртным, а я приступил к массажу. А минут через сорок капитан повернулась на спину и с ехидством констатировала: «А ты ведь совсем не толстый! Это просто твои мускулы обвисают, когда расслаблены».

Гарольд замолчал, и целую минуту не раздавалось ни звука. Первым не выдержал Армата:

- А дальше?

Рассказчик хмыкнул и тяжело вздохнул:

- А дальше все было как в сказке! Волнительно, долго и прекрасно! Ради таких событий следует делать паузы в любых приключениях.

- А царапины откуда? - выдал свою заинтересованность и Николая.

- В каждой сказке есть конец, - резюмировал Гарольд. - И не всегда счастливый. Думал, Нина крепко спит, и решил заглянуть в какую-то книгу в кожаном переплете, лежавшую под прикроватной тумбочкой. Даже предположить не мог реакции капитана. Она мне чуть глаза не выцарапала, от меча ее под кровать пришлось прятаться, а в конце выставила меня, голого, из своей каюты и вышвырнула за мной мою одежду. Под смех нескольких козлов меня сюда и привели. И чего она так разъярилась? Я тоже хорош - в такой мелочи прокололся! Грамотным прикинулся! А жаль, хороший шанс упустил!

- Так ее Ниной зовут? Очень красивое имя, - обрадовался Армата. - Как у моей мамы!

- Не вижу поводов для радости, - с тоской в голосе сказал Гарольд.

И Малыш его поддержал, пропев строчку из оперы на новый манер:

- Что Нина завтра нам гото-о-овит?!

Глава третья

Хаос

Ужин нам принесли, когда корабль полностью прекратил движение. Видимо, мы зашли в порт или хорошо защищенную гавань, так как не ощущалось даже малейшей качки. После долгой темноты включенный свет казался невероятно ярким, но мы сразу рассмотрели наших предыдущих посетителей. Двое все так же держали нас под прицелом, а третий скрупулезно проверил наручники. Хотя и лица у всех были грубые и не вызывали особой симпатии, но явно чувствовалось некое к нам расположение. Грех было не попытаться выведать хоть какую-либо информацию. А разносящий пайки вообще не прочь был с нами побеседовать. Он-то и начал с вопросов:

– Ты чем это кэпа так разозлил? – Он уставился на Гарольда и упер руки в бока. – Весь экипаж на авральных работах!

– Да ничем... – Мой друг удивленно пожал плечами и признался: – Хотел книжку старую полистать, за это и поплатился...

– А с доктором ты как расстался?

– В каком смысле? – не понял Гарольд.

– Подрался ты с ним, что ли?

– Еще чего?! Расстались мы лучшими друзьями! И выпили вместе!

– А почему же у него синяк свежий под глазом? – допытывался пират.

– Откуда мне знать? Я его видел в полном здравии.

– Странно... – протянул раздававший нам провиант и переглянулся с остальными своими товарищами. – Видать, попал кому под горячую руку...

– Ребята! – как можно более дружелюбно начал Малыш. – Вы бы нам не обрисовали, что нас ждет впереди? Хотя бы кратко, в двух словах.

– Если кратко, то большие трудности! Из-за того что ваш автомобиль утонул, за вас попытаются выручить как можно больше денег. А это возможно только в двух вариантах. Первый: вас будут выставлять на гладиаторских боях, а там долго не живут. И второй: набить рабам цену какими-то большими знаниями современных технологий или вооружений. Тогда вас купят в лаборатории или на заводы. Или Министерство обороны. А там жизнь вполне сносная. И быстрее можно стать свободным.

Впервые за все время плена заговорил Цой Тан:

– Надеюсь, здесь нуждаются в специалистах по ведению подводного хозяйства? Я умею выращивать любые водоросли, разводить колонии моллюсков и другую полезную живность.

– Не смей нас! Кому нужны твои моллюски? Нас от продуктов моря и так тошнит!

– А гладиатор после победы тоже становится свободным? – оживился Гарольд. – У меня кулак сильный! Могу драться целый день!

– Ха! – засмеялся пират, и его поддержали трое других. – Раб-гладиатор частенько обретает свободу только после своей смерти. И очень долго принадлежит хозяину. Хотя есть много случаев, когда и им была дарована свобода. Один из таких случаев – сбор средств на выкуп болельщиками. Другой – вольная от хозяина. Третий – особые условия боя. Вашему пацану вчера повезло, он как раз попал под один такой закон. И между прочим, он что, всегда так силен в поединках?

– Честно говоря, он только и умел, что ножами кидаться, – стал объяснять Гарольд. – А в драке слабоват до неприличия. Первый поединок – настоящее чудо. Хоть парень с нами всего полгода, но привыкли к нему. А тут такое для него испытание. Думал, все, хана нашему компаньону. Да и брат к нему тянется. Он хоть и больной, а добрых людей чувствует.

– Здесь добрые долго не живут... – проворчал пират, уже подходя к двери. Затем обернулся и снова обратился к Гарри: – А тебе тоже не позавидуешь...

– Чего так? – беззаботно спросил мой друг.

– Мы уже в порту, и заправляет здесь один... гм... человек. Очень равнодушный к нашему капитану. И очень опасный противник! – Он переглянулся со своими товарищами, и те поддержали его молчанием. – И ты вряд ли избежишь его внимания. Наш тебе совет: не оказывайся на его пути. Хотя я тебе уже говорил, что буду ставить на тебя. Да и многие наши ребята рискнут капиталами в вашем поединке. Если он состоится...

– А вы знаете, я вам тоже дам один совет! – Мой «брат» забрал у меня хлеб, который я начал жевать с упаковкой, освободил его от пластика и опять сунул в руки. – Только скажите, есть у вас паузы между раундами?

– Да. Особенно в важных боях и наиболее посещаемых.

– Тогда обещаю вам продержаться первый раунд и сделать вид, что мне не справиться с соперником. Но потом я его завалю. Поставите в перерыве и утроите выигрыш. Здорово?

– У нас говорят: дурак в мечтах богатеет. А мы мечтать не любим. Да и ты того... гм... человека еще не видел.

– Все равно не забудьте. Раз уж вам денег на меня не жалко.

Пираты ушли, а мы продолжили ужин в некоторой задумчивости. Малыш попытался пошутить:

– За свою любовь иногда приходится бороться!

– Да пошел ты! – беззлобно отозвался Гарольд. – Какая там может быть любовь? Шлюха как шлюха. Только с большими амбициями. Попала на голодного мужика, да и только.

Я сидел напротив него и сосредоточенно жевал хлеб, но глаза-то я его видел! И его глаза мне не понравились – была в них какая-то непонятная тоска. И даже сквозила некая растерянность. Или, может, мне показалось?

Продолжительное время нас не трогали. Так как в полной темноте нечем больше заняться, кроме как прощупывать свои наручники или трепаться, то мы решили отоспаться. Про запас, для лучшей сохранности бодрого настроения. Хотя последними из всех заснули наверняка я и Гарри. Он шептал мне на самое ухо о событиях, которые произошли со мной и с ребятами за последнее время. И событий было порядочно. Вначале я слушал очень внимательно, но потом сон все-таки сморил то ли меня, то ли моего друга. Не помню, кто уснул первым.

Часов никому из нас не оставили, поэтому, когда опять неожиданно зажегся свет, мы подумали, что уже утро и наступила пора завтрака. Да и желудки говорили о том же. Но время шло, а дверь нашей общей камеры все не открывалась. Так и напрашивалась мысль, что нас кто-то тщательно рассматривает. Естественно, мы все реагировали надлежащим образом: я испуганно вскрикивал и закрывал руками глаза, Гарольд меня утешал, ребята шутили или ворчали. Но постепенно мы успокоились и даже опять впали в некую дрему. Свет так и не выключили, и часа два мы старательно играли свои роли. Я лежал, свернувшись калачиком, под боком у моего «брата» и иногда вздрагивал во сне. А он мне шептал успокаивающие слова.

Гарольд первым заметил приближение непонятного. А я услышал уже после того, как его грудная клетка напряглась и замерла. Откуда-то сверху раздавался противный, но очень осторожный скрип. Будто откручивали барашки на давно заржавевшем лючке или иллюминаторе. Затем какой-то люк все-таки открылся, потому как Армата успел воскликнуть:

– Я вижу отверстие на потолке!

И сразу же за этим в нашу арестантскую камеру ухнула дымовая шашка. За ней вторая, почти одновременно с третьей. Негустой и вначале даже прозрачный дым стал заволакивать все помещение. И сразу стало ясно, что наши жизни в опасности: едкая дымная смесь была явно нервнопаралитического действия. Не в силах подняться к двери из-за цепей и наручников, ребята стали изо всех сил колотить чем попало по полу и переборкам. Ведь только так мы могли привлечь к себе внимание охранников. Ибо если кто-то и хотел с нами расправиться, то только не они. Разве они одни были в сговоре с пытающимися нас отравить

злоумышленниками. Все уже стали задыхаться и надрывно кашлять, а помощь так и не приходила. Задерживать дыхание тоже не имело смысла, и ребята орала из последних сил. Один я забился головой под матрас и мычал нечто нечленораздельное. Если уж не могу чем-то помочь, то лучше притворяться до конца. Хотя в голове похоронным набатом крутилась только одна мысль: ведь мы никому не нужны мертвыми! Постепенно дым заполнил все пространство, скрыв нас от взглядов возможных наблюдателей. Тогда я набрал как можно больше относительно чистого воздуха из-под матраса и задержал дыхание. Ребята прекратили всякое движение и не издавали больше ни звука, а я пытался держаться до последнего. Я ведь четыре минуты могу находиться под водой и когда-то спасся этим от смерти. Но сейчас мое время, видимо, истекло. Я попытался еще раз вдохнуть под матрасом, но горячий дым оказался уже и там. Он ворвался в мои истомленные легкие адской смесью, и мое сознание отключилось.

В загробную жизнь я не верил, поэтому происходящее со мной очень удивило и преисполнило некоего величия. Моя душа поднималась из темного, вязкого мрака к мерцающему далеко вверху яркому свету. Своего тела я уже не чувствовал, догадываясь, что никогда больше не воспользуюсь брэнной оболочкой. Зато я обрел полную свободу своей сути и с увеличивающейся скоростью устремился вверх. И чем быстрее я поднимался, тем громче звучали трубные звуки чего-то величественного и таинственного. Мрак отступал, давая место светящемуся облаку, и моя внутренняя сущность ощутила благодатное тепло. Еще одно мгновение – и я увижу место, в которое перенеслась моя душа. Интересно, кого я там встречу? Первым, о ком я вспомнил, был Серджио. Раз он умер, то обязательно должен быть где-то здесь! Ослепительное сияние ворвалось в мой мозг – и я увидел!

Увидел, что яркий свет исходил от низко висящей лампы. И услышал, что трубные звуки превратились в удовлетворенный человеческий голос:

– Наконец-то. Дрогнули зрачки!

Чье-то лицо низко склонилось надо мной. Захотелось спросить, где я и что со мной приключилось, но губы слиплись, а челюсти свело судорогой. Поэтому из моей глотки вырвалось лишь непонятное мычание. Меня явно не поняли, так как я услышал:

– Он что-то пытается сказать! – На что второй голос заявил:

– Да он вообще не говорит, только мычит что-то непонятное. Лишь его брат как-то понимает это мычание.

Надо же! Если бы не пересохшее горло, я бы разоблачил себя несколькими словами. Но неужели нас травили газом только для этого?! Что же произошло? Я начал водить глазами, захрипел громче и попытался встать. Но не тут-то было! Все мое тело и конечности были крепко привязаны к ложу, на котором я приходил в сознание. Первый голос показался озабоченным:

– Может, его отвязать? И он успокоится?

– Вряд ли... Лучше пусть так и лежит!

Второй человек склонился надо мной, и я узнал в нем судебного врача. Его правый глаз украшал огромный синеватый фингал, который был виден даже сквозь тонирующую мазь. Я вспомнил недоумение пиратов по этому поводу и как можно жалобнее заскулил. Пытаясь этим скрыть свое желание засмеяться. Вряд ли мне стало смешно от вида разукрашенного лица лекаря. Видимо, наступило облегчение от сознания, что все-таки я еще не на том свете. Жизнь продолжалась! Хоть и в невероятных трудностях и неопределенных перспективах на будущее, но шла по намеченной судьбой линии. А может, мы сами эту линию выбираем? Когда-нибудь и об этом узнаем. Скорее всего, действительно после смерти.

– Ладно, хорошо хоть не буйствует! – Лекарь успокаивающе похлопал меня по груди. – Сейчас проведем все тесты и отправим его по назначению.

– А стоит ли возиться? – спросил другой человек. Теперь я разглядел и его белый халат, приняв за санитаря. – Только время зря потратим. И так сколько на него сил угрохали!

– Возиться стоит всегда! – Судовой врач оттянул мне веки, внимательно всмотрелся и задумчиво добавил: – Хотя бы даже для собственного самоусовершенствования... и успокоения.

И два медика (даже не знаю, как их обозвать) приступили к своим проклятым тестам. Отношение ко мне было как к подопытной крысе. А может, и хуже. Что

только со мной не делали! Кололи, щипали, давили, гнули, ломали, шлепали и, кажется, поливали. А я даже не мог просто по-человечески возмутиться. Вернее, мог, но в меру. Так как прекрасно знал, какие реакции должны сопутствовать тому или иному совершаемому надо мной действию. Если честно, то я бы их избил, если бы не был связан. А так приходилось притворяться полностью равнодушным к одним издевательствам и нервно реагировать на вполне безобидные. К концу тестов мое терпение истощилось полностью, и я чуть было и в самом деле не поехал мозгами. Если бы на моем месте был кто попроще, вряд ли бы он выдержал. Все-таки этот судовой врач хоть и с подбитым глазом, но явный специалист своего дела. Да и второй тоже.

И что-то его явно насторожило в результатах тестов. Вернее, даже не в результатах, а в самом моем организме. Как я ни старался расслаблять свои мышцы, дабы придать им вид дряблых и немощных, мне это вряд ли удалось. Тот даже высказался на эту тему:

- До того как дурику отбили мозги, он обладал, видимо, недюжинной силой. Если он начнет ломать все вокруг и буйствовать, с ним будет трудно справиться.

- Да, брат его говорил об этом и просил сильно не нервировать.

Вот невезуха! И эти двое еще осмеливаются утверждать, что они меня не сильно нервнируют?! Я представил, что бы со мной было в другом случае, и внутренне вздрогнул. А лекарь продолжал:

- Во время всего осмотра он только радостно реагировал на напоминания о брате. - Естественно! Что же мне еще оставалось делать?! - И сразу при этом успокаивается. Вот смотри. - Он нагнулся ко мне и несколько раз проговорил слово «брат». Я тут же обрадованно замычал и принялся шарить глазами вокруг, словно в поисках моего родственника. - Видишь?! Так его всегда можно успокоить и заставить подчиниться. Думаю, несложно даже прогуляться с ним за ручку к их месту содержания.

- Да ты что?! - воскликнул второй. - Еще этого не хватало! Вколем ему снотворное, и пусть его волокут ребята. Нашел время для экспериментов! Да и буннер на него нацепить надо...

Я чуть не заплакал от досады и бессилия. Сколько же надо мной будут издеваться?! Да еще и «буннер» какой-то? И тут же постарался утешить себя мыслью, что самое главное – я жив! И очень скоро встречу с остальными ребятами. И шанс у нас будет обязательно! На этих благих размышлениях я почувствовал легкий укол и почти сразу же упал в пелену забытья.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Великий философ двадцать пятого века, землянин. (Прим. авт.)

Купить: <https://tellnovel.com/yuriy-ivanovich/na-drevney-zemle>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)